Літаратурны экватар

Альманах

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 1

Мінск
2012

УДК [821.161.3+821.161.1(476)]-822

У альманах «Літаратурны экватар» уключаны творы як прафесійных, так і пачынаючых аўтараў. Усе яны – удзельнікі літаратурнага аб’яднання “Экватар”, якое ўзначальвае беларускі паэт Вячаслаў Корбут.

Укладальнік
Вячаслаў Корбут

Шэф-рэдактар
Інга Вінарская

Уступны артыкул
Вячаслава Корбута

Шаноўныя сябры!

Для літаб’яднання “Экватар” значнай падзеяй у жыцці нашай творчай суполкі з’явілася выданне альманаху. Вясной 2012 года мы трымаем у руках першы афіцыйны нумар альманаху “Літаратурны экватар”. Гэты выпуск, скажу дакладна, вызначаецца пэўнай сталасцю падабраных матэрыялаў сяброў нашага аб’яднання, якія сёння ўжо з новай сілай рыхтуюць да аналізу і прачытання свае творы, і тое, што мы ў цяперашні час маем, бачна на старонках гэтага выдання.

Крануся крыху мінулага 2011 года, які, без сумневы, стаў даволі плённым для ўсіх нашых калег. Па-першае, многія з іх змаглі паспрабаваць свае сілы, дэманструючы свае паэтычныя здольнасці перад рознымі аудыторыямі. І гэтыя спробы адбыліся даволі ўдалымі і прынеслі як слухачам, так і самім выканаўцам дастатковае эстэтычнае задавальненне. Па-другое, і гэта вельмі істотна, выйшаў у розных выдавецтвах шэраг кніг нашых сяброў. Сярод іх Якаў Анапрэенка, Людміла Сівалобава, Інга Вінарская, Людміла Міхейкіна і іншыя. Значна вырас за гэтыт час мастацкі ўзровень сюрэалістычнай прозы Аляксея Палачанскага, развіўся ў бок мастацкай прозы Валеры Скакун. Дарэчы, нашыя аўтары ўсё больш схіляюцца да прозы, і гэта сведчыць пра тое, што расце іх цікавасць да адлюстарвання нашай эпохі і мінулых часоў. Да нашага калектыву далучыліся і новыя цікавыя творцы, людзі, закаханыя ў літаратурнае слова, якія горача любяць сваю краіну, свае родныя куты, якія па-чалавечы годна ставяцца да свайго выбару – ствараць цікавыя і разумныя літаратурныя рэчы. Яшчэ дадам, што прыемным элементам работы літаб’яднаня “Эвкатар” стаў той момант, што мы пачалі разумець адзін аднаго і мець той узровень павагі, які дазваляе канструктрыўна ставіцца да творчасці кожнага, а значыць, дамапагаць расці ўдзельнікам літаб’яднання ў творчым плане.

А цяпер пераходжу да асноўнай падзеі, да нашага альманаху. Распачынаеццца яго выпуск вершамі неардынарнай і таленавітай аўтаркі ***Наталлі Анапрэенкі.*** Глыбокія па сутнасці і лірычныя па зместу яе вершы заварожваюць непасрэднасцю і шчырасцю, і як вынік, роздум над нашым нялёгкім, але такім цікавым жыццём. Скажу адно: у Наталлі вершы даволі якасная, у іх шмат думкі, глыбіні і адчування быційнасці лёсу. Сярод іх вершы ў прозе “Люстраная восень”, “Вячэрняя імгла…”, вершы “Адарвалася і адышло”, “Страна марионеток” і іншыя.

Воляй лёсу адным з нашых самых актыўнах і дзейных аўтараў з’яўляецца ***Якаў Рыгоравіч Анапрэенка.*** Жвавы, малады сэрцам і пачуццямі, ён распычынае ў нашым альманаху цыкл празаічных твораў. Як чалавек, верны свайму крэда – глыбей ўглядацца ў спадчыну нашай багатай і густа засеянай падзеямі гісторыі, Якаў Рыгоравіч прадстаўлены ў альманаху не-

вялікімі эсэ, на аснове якіх можна дэталёва ўгдядацца ў тыя ці іншыя падзеі з жыцця нашага народа. Сярод прадстаўленых твораў – “Човен”, “Кузня”, “Грушэнскія абрады” і іншыя. Чытачу любога ўзросту будуць цікавыя падзеі, што апісвае пісьменнік.

Як заўседы бадзёра і па-чалавечы цёпла, выступае на старонках нашага альманаху адзін са старэйшых аўтараў, чалавек з багатым жыццёвым вопытам і своеасаблівым мастацкім густам ***Віктар Пракоф’евіч Алдохін***. Чалавек, улюбёны ў жыццё, сам заўсёды гатовы падхапіць сваім зычным голасам бадзёрую песню і нават заспяваць песню ўласную, Віктар Пракоф’евіч прадстаўлены ў альманаху нізкай вершаў лірычнага зместу, сярод якіх як вінашаванні блізкім людзям, так і вершы, у якіх аўтар прадстаўляе сваю жыццёвую пазіцыю, такія як “Оглянись и сделай вывод”, “Я слесарь был, им вечно буду” і іншыя.

Працягвае тэндэнцыю выступаць не толькі на сцэне з уласнымі песнямі пад гітару, але і на старонках нашага альманаху паэтка, бард, таленавітая, экстравагантная і прыгожая аўтарка ***Тацяна Беланогая.*** Сёння аб творчасці Тацяны гавораць у розных кутках Беларусі, яе песнямі захапляецца шмат аматараў бардаўскай песні. І ёсць чым захапляцца: мелодыкай твораў, голасам самой спявачкі і, безумоўна, дасканалымі і яскравымі па сэнсу і лірычнай аздобе тэкстамі. Частку з іх мы друкуем у гэтым нумары нашага альманаху. Сярод іх – “Музыка”, Нябачныя танкі”, “Пакахай мяне”, “Мы – вецер” і іншыя. І яшчэ. Вершаваная творчасцьТацяны напоўнена зычнымі галасамі свабодалюбівага настрою, і ў ствараемым ёю свеце ёсць месца кожнаму, хто цэніць уласную годнасць і прагу да волі.

Зусім іншымі па гучанню і па настрою з’яўляюцца выршы нашага маладога творцы ***Апанаса Бацяноўскага.*** Апошнім часам ён прызнаўся, што пачаў спрабаваць свае сілы ў прозе. І гэта добры знак: пісьменнік развіваецца. У альманаху Апанас прадстаўлены нізкай вершаў у стылі аўтара, які імкнецца захаваць у сваіх радках подых эпохі Срэбранага веку, калі паэты з’яўляліся прадвеснікамі новых эпох, новых часоў, імкнуліся ўзбагаціць патрыярхальную краіну высокай і дасканалай творчасцю. Вось і Апанас Бацяноўскі застаецца верным гэтай традыцыі: шукаць лепшае ў будзённым, зычнае ў традыцыйным, яскравае ў пажухлым. Сведчаннем таму вершы “Поэты”, “Пустыня”, “Потомки Ноя”, “Тоска по высокому слогу”, “Рай” і іншыя творы. Адзначу таксама, што Апанас за апошні час усё больш пашырае свой кругагляд як творца, і я ўпэнены, што яго мастцкае слова яшчэ знойдзе выйсце ў розных новых формах і стылях.

Твочасць ***Інгі Вінарскай*** рэкламаваць не трэба. Пачну з таго, што менавіта яе высілкамі быў сабраны і адрэдагаваны гэты нумар нашага альманаху. У Інгі да слова заўсёды высокая планка, і яна патрабуе ад аўтара не менш, чым ад сябе. А гэта – прыкмета прафесійнага стаўлення да літаратуры і літаратурнага працэсу, якія ў сваю чаргу не даруюць бесклапотных адносін да сябе. Што тычыцца вершаў Інгі, то іх проста неабходна чытаць, захапляючыся імі, адчуваючы высокі эфект ад энергіі слова, якое рвецца на прасцяг нашага будзённага і замшэлага свету. Адкрывае падборку верш “Ночные поезда”, які і даў назву зборніку, які выйшаў ў паэткі ў мінулым годзе. Таксама ў альманаху прадстаўлены такія вершы, як “Я мчусь в закат и опоздать пытаюсь”, “И всё труднее забываться”, “Ощущения”, “Я сыграю тире в пунктире” і іншыя. Аб тым, што паэзія Інгі Вінарскай даволі яскравая і па-непасрэднаму багатая на эмоцыі, гаварыць залішне, яе трэба чытаць, ікнуцца суперажываць лірычнай гераіне, але, відаць, дарэмна імкнуцца яе зразумець, як часам цяжка зразумець жаночае сэрца, пяшчотнае, добрае, шчырае…

Ігар Грыцкоў дэбютуе ў нашым альманаху як чалавек, які зусім нядаўна стаў сябрам нашай суполкі, але адразу зрабіўся яе актыўным удзельнікам. Гэта чалавек, да глыбіні сэрца ўлюблёны ў нашу Беларусь, яе краявіды, яе вялікую і магутную гісторыю. Як зазначае сам Ігар Міхайлавіч, літаратурай ён захапляецца з юнацтва. І вось зараз у яго ёсць магчымасць з вышыні гадоў па-сталаму зірнуць на жыццё і стварыць тыя творы, якія, безумоўна, спадабаюцца многім прыхільнікам цікавай, шмат у чым біяграфічнай, а таксама прыгодніцкай прозы. Чытачы могуць у нашым нумары знайсці па-свойму займальныя апавяданні, сярод якіх “Мишка”, “Николай”, “Рыбалка” і іншыя.

Вячаслава Макуця мы, нажаль, не можам бачыць і слухаць, калі пажадаем. Ён жыве і працуе ў добрым і старадаўнім горадзе Ваўкавыску. І працуе наш Вячаслаў Мікалаевіч на ніве культуры ўсе жыццё, ставіць спектаклі як рэжысёр, сам яскрава выконвае розныя ролі, ладзіць канцэрты як бард, выконвае свае ўласныя песні, а таксама шмат піша вершаў, у тым ліку і на роднай мове. Вось і ў гэтым нумары альманаху мы маем магчымасць пазнаёміцца з новымі творамі гэтага няўрымслівага на ніве культуры чалавека, які апантаны прагай ладзіць добры настрой сваім слухачам, сябрам і блізкім людзям. Сярод прадстаўленых тут твораў Вячаслава Макуця такія, як “Нясвіжскі раманс”, “Переоценка, как ревизия души”, “Учеба в гимназии – трудное дело” і іншыя высокаэнергічныя творы.

Сёння нашу суполку ўжо цяжка ўявіць без працавітай і заўсёды пазітыўна настроенай на добры вынік ***Людмілы Міхейкінай***. Мінулы год стаў для паэткі і празаіка Людмілы Міхейкінай найбольш выніковым ў плане творчага плёну. Яна выдала дзве кнігі. Першая – гэта кніга прозы “Дорогами любви”, а другая – зборнік вершаў “Такая большая короткая жизнь”. Кнігі сапраўды атрымаліся цудоўнымі як па зместу, так і па афармленню, і думаю, што ў наступных кнігах дарога да чытача ў Людмілы будзе яшчэ больш кароткая. Колькасць прыхільнікаў творчасці гэтага чалавека

будзе несумненна расці, як і якасць яе твораў. У гэтым я ўпэўнены. А ў нашым нумары чытачам прадстаўлены вершы са зборніка “Такая большая короткая жизнь”, напісаныя ў розныя часы. Вершы Людмілы вобразна насычаныя і эмацыянальна пранікнёныя, у іх ёсць уся палітра перажытых лірычнай гераіняй гамы пачуццяў. Сярод іх вершы “Прощай”, “С чистого листа”, “Жене декабриста”, “Дымок воспоминаний” і іншыя.

Стварыў жанравую разнастайнасць у нашым альманаху сваім цікавым і змястоўным артыкулам “Создатели Байконура” наш сябар і аматар добрай кнігі, кіраўнік бібліятэкі Дома афіцэраў г. Мінска ***Віктар Аляксандравіч Паўлаў***. Чалавек у мінулым ваенны, Віктар Аляксандравіч сёння шмат працуе на ніве культуры, піша артыкулы, ладзіць сутрэчы з цікавымі і папулярнымі людзьмі, займаецца грамадскай дзейнасцю, шчыра падтрымлівае работу нашага аб’яднання, бо разумее, што дзяржава і грамадства будуць існаваць у здаровым маральным клімаце толькі тады, калі будуць складацца высокадухоўныя і высокаэстэтычныя творы для шматлікіх і ўдзячных чытачоў. Поспехаў Вам, Віктар Аляксандравіч, і калектыву бібліятэкі Дома афіцэраў. Таксама хачу прыгадаць добрымі словамі былую карыўніцу бібліятэкі Людмілу Уладзіміраўну Домніч. Гэта Вам, а таксама Вашым калегам я прысвяціў свой верш “Бібліятэкар”, змешчаны на старонках гэтага нумару альманаху.

Наш малады калега і таленавіты аўтар ***Аляксей Палачанскі*** прадстаўляе генерацыю новых творцаў, якія імкнуцца дасягнуць вышынь у мастацкім слове праз сентэнцыю розных літаратаратурных плыняў, што сёння робяць многія маладыя аўтары. Аляксей за апошні час дастаткова моцна вырас, ён імкнецца працаваць над словам амаль філігранна, ратуючы вобраз і думку ад шаблона, ствараючы досыць граматныя кампазіцыі ў невялікіх празаічных жанрах. Аляксей працуе таксама на ніве паэзіі, але ўсё ж найбольш часта ў прозе. Гэта ўдумлівы і самабытны аўтар, які на старонках альманаху радуе нас сваімі новымі сюрэалістычнымі празаічнымі апавяданнямі “Гарбата са снегам” і “Ля дарогі”. Чытаць гэтыя творы і проста, і складана аданачасова, бо яны прымушаюць думаць. Падумаем разам.

Пра ***Людмілу Сівалобаву*** я скажу проста. Гэта наш ужо сфарміраваны навэліст, аўтар цікавай і змястоўнай кароткай прозы. Да гэтага дадам, што Людміла Аляксееўна ў мінулым годзе выпусціла празаічны зборнік пад назвай “Новеллы”. Гэта добрая падзея, якая дазваляе чалавеку выйсці да чытача і адчуць подых чытацкай цікавасці. А гэта заўжды займальна. Сёння мы можа прачытаць у альманаху такія творы аўтаркі, як “Египетские ночи”, “Незабываемые встречи”, “Опасное знакомство” і іншыя. Усе яны трымаюць чытыча пад напружаннем займальнага сюжэту і вабяць разнастайнасцю вобразаў герояў.

Паэт і бард ***Валеры Скакун*** у новым нумары альманаху прадстаўлены як паэтычнымі творамі, так і невялікім апавяданнем. Дадам, што маючы

багатую ў часовай прасторы працу на ніве паэзіі, Валеры распачаў працу і над прозай. Скажу больш. За апошні час Валеры Скакун пад сцягам нашага літаб’яднання з поспехам правёў не адно выступленне перад шматлікімі слухачамі. І сёння вялікая заслуга аўтара ў тым, што ён радуе нас сваімі змястоўнымі творамі, сярод якіх вершы “Словы даверу”, “Падалося, час прыйшоў вяртацца”, “Горы клічуць” і іншыя. Валерыя Скакуна можна назваць рамантыкам вялікіх дарог, і гэтым матывам прасякнуты многія яго-ныя творы.

Паэтэса ***Ала Цяцёркіна*** ў нашым альманаху дэбютуе са сваімі вершамі. Як чалавек улюбёны ў кнігу і мастацкае слова, Ала і ў сваіх вершах працягвае традыцыю шчырай і ўдумлівай паэзіі, актыўна прапагандуе творчасць сваіх калег. У яе вершах ёсць і шчымлівы сум за лёс нашай зямлі, і вера ў яе вялікае будучае, а таксама прага да прыгожага, да яскравага існавання ў нашым свеце, прысутнічаюць высокія рэлігійныя матывы. Асаблівасцю творчасці Алы Цяцёркінай з’яўляецца імкненне да нябачнага духоўнага святла, якое наталяе наш свет і надае ўсім нам тыя сілы, якія мацуюць дух і дазваляюць больш годна і смела ісці па жыцці. Гэта асабліва адчуваецца ў такіх творах паэткі, як “Свеча Святого Воскресенья”, “Белорусские хризантемы”, “Что стоит улыбка ребенка” і ў іншых яе вершах.

Завяршаецца наш альманах вершамі маладой і падаючай надзеі паэтэсы, чалавека з уласным бачаннем свайго творчага свету ***Ірыны Шамко***. Вершы Ірыны напоўненыя сваёй індывідуальна-дзіўнай энергетыкай, непасрэдным адчуваннем глыбіні жыцця, нялегкасці той ношы, якую нясе чалавек у сённяшніх абставінах, у прыватнасці гераіня – жанчына маладая, энергічная, якая шукае свой шлях і сябе на гэтым шляху. Дадам яшчэ. Лірычная гераіня Ірыны можа адчуваць як “разметок пульсируют тени” і ёй “…нравится жизнь кочевая”. Паэзія Ірыны Шамко смела кранае сэрцы і спрабуе налададзіць сур’ёзную размову з чытачом па розных тэмах. Сярод вершаў адзначу такія, як “Дайте время для тишины”, “Утеряна тетрадка”, “Первый сонет”, “Мои стихи не станут в шкаф красиво”, “Мне не уснуть: я знаю этот звук” і іншыя.

Пакуль усё. Праехаўся амаль па кожнаму, лёгка, без шурпатасці напільніка, якім можна здзерці скуру, няхай нават і творчую. Але не для гэтага мы разам сабраліся. Хачу адзначыць галоўнае: гэты нумар альманаху мае дастаткова моцны склад. І я жадаю, каб кожны наш аўтар працаваў і надалей больш моцна, бо не сакрэт, што да ўзораў сусветнай класікі нам усім яшчэ далёка. Але тым і цікавая літаратура, што тут заўсёды ёсць прастора для развіцця. Поспехаў усім і віншую з выхадам гэтага нумара!

Ваш Вячаслаў Корбут.

НАТАЛЛЯ АНАПРЭЭНКА

Нарадзілася 10 снежня 1975 года ў Мінску. Скончыла філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1998 годзе. Вершы піша з 1992 года. Шмат друкавалася ў перыёдыцы. Зараз працуе на філфаку БДУ. Рыхтуе дысертацыю па тэме "М. Багдановіч і Б. Лесьмян: ідэйна-мастацкія сыходжанні".

***

Калі анёлы наносяць тваё імя на пялёстках майго сэрца, яны адкрываюць мне невядомыя да гэтага бачанні – і па дарозе ў патаемны замак летуценняў, што дасягае нябесных далячынь, здымаюцца ўсе покрывы прастораў, вышынь і стыхій. Я ў захапленні ад падарожжа, што мае быць: цудатворная сіла цішыні, чакаючы спаткання з вечарам, пераўтварае заходнія цені ў цудадзейныя музы. На балконе ўспамінаў я бачу залатыя светы прамяністага вострава…

…З нерухомых туманоў выплывае наша ладдзя – і накіроўваецца да саванаў Святла…

Люстраная восень

Люструецца восень пад шатамі прахалоды, распавядаючы няспынную казку вандравання несмяротнай душы. Згадаўся ізноў залаты подых сусветнай Любові, што ўліваецца мелодыяй Тварэння ў залюстраваную ўспамінамі восень. Цяпер мы – падзеленыя зорнай аблямоўкай на парозе ілюзій у чаканні ўсявышніх цудаў. Але аднойчы душа вырвецца ўслед за марай першародным крышталем Кахання.

Прызямляецца змярканне. Гусцеюць вячэрнія цені, засланяючы край барвовых прамянёў. Гарызонт кідае ў цёмнае неба апошнія жмені блікаў.

Невялікі ўтульны пакой, агорнуты пяшчотай летуценняў. Забыты ўрокі і школа, і хлам паўсядзённых клопатаў. Шчыліна захаду падае ў расчыненае акно – і нямы ландшафт бачанняў акрэслівае ў Яго душы ўсё яшчэ невыразны і расплывісты вобраз…

Запальваецца першая зорка, потым яшчэ – і так адна за адной. І вось цэлае зборышча зорак пралівае ззянне, вядучы шматлікімі неспасціжную гутарку з агнямі начнога горада.

Завéрасніла ў сэрцы расставаннем і ўспамінам, але ноч, што вось-вось надыдзе, прадракае супакой і асалоду: зорнае неба малюе прыстанак ў мігаценні запаветнай мары… І сэрца пускаецца ў ілюзорны струмень…

Гэта час таемстваў і адкрыццяў. Святленне зорак распальвае патаемнае полымя душы – яны нашэптваюць тое, што тут завецца казкай, адводзячы за звыклыя свядомасці межы, дзе часу невядома ўлада гадзіннікавых механізмаў.

"Гартаючы старонкі кнігі Сусвету глядзяцца зоркі ў акно. Не, глядзяцца ў душу, каб пасля выліцца нязгасным святлом там, на іншых берагах Светабудовы, дзе прызначана сустрэча для нас. У зацішшы нябесных вяршыняў я чую да болю знаёмую размову. Жаданы промень затапляе маё сэрца струменямі святла. Я – у цені твайго святла. Разам – мы ў адным ззянні. Мы дзве зоркі ў бязмежнасці святла…" – Яго сэрца прылучаецца да таямніцы, пускаючыся да запаветнага ўлоння мары.

Ён яшчэ не ведае, што за акном Ягонага пакоя час укараняе рэчаіснасць – ён жыццё забівае рэальнасцю.

Мы самі выбіраем гадзіну нараджэння.

***

Вячэрняя імгла разаслалася над асеннім горадам, астылым і халодным. Ахутаны смугою і туманам, гэты свет здаецца тужлівым і пустынным. Манатонная мелодыя адзінокіх раздумванняў, закалыхваючы ў сваіх абдымках, зліваецца ва ўнісон з пануючай дрымотай. І я, трапіўшы ў палон салодкіх сноў, дзе звычныя рамкі вузкія і цес-

ныя, расчыняю створкі патаемнага акна ў нябесныя глыбіні, дзе ніці зорнага ззяння звіваюць шлях свяшчэнным марам напярэймы даўно адышэдшым вякам і наступным тысячагоддзям…

Гэтай ноччу мне снілася, што ля дварцовай брамы спынілася пазалочаная карэта і выйшла Ты, уладарная і велічная, у парчовым убранні, расшытым жэмчугам, і ў кудзерках Тваіх ззяла дыядэма, упрыгожаная брыльянтамі. Ты царственным поступам падымалася па ступенях, і нерухомыя рамізнікі прагна глядзелі Табе ўслед, расступаліся ліўрэйныя лакеі і прыдворныя дамы кідалі зайздрослівыя погляды…

Але толькі ранішняя зорка ўзышла над горадам, яшчэ ахутаным дзівоснай казкай сну, і з перадсвітальнага туману з’явілася Ты, нявінная, стройная і чароўная. Асенні туман адрываўся ад халодных рэк, якім вербы вылiваюць сваю журботу, а Ты ступала босымі нагамі па росных травах і азёрах кветак. Сукенка, вышытая каласамі, валашковымі і фіялкавымі ўзорамі, аблягала тоненькае цела і духмяныя хвалі кучараў віліся па Тваіх шчаках і плячах. Ты ішла, і птушкі замаўкалі ў лістоце, вецер заціхаў у палях, цені асядалі на маляўнічых пагорках, і жэмчуг аблокаў застываў у акварэлі неба. Калыхаючыся, ківалі званочкі, і лагодныя травы пакорна клаліся пад Тваімі падэшвамі…

А мае акно абвівалі квяцістыя азарыны і гліцыніі – гэта вандроўнік часу прыціх ля акна маёй душы…

***

Незвычайныя дэкарацыі нябесных свяцілаў на палатне светабудовы – нябёсы паглынаюць зорку за зоркай.

Мяне спальвала нецярплівасць і мучылі прадчуванні. А астролагі прадказалі мне непагадзь, запісаўшы свае прароцтва ў старажытныя пергаменты, і чарадзеі прачыталі гэтае закляцце па грымуарах.

І вось нястрымлівы імпэтны віхор прадказанняў і закляццяў уносіць мяне ў нетры сусветных прастораў.

Сінь укрылася за цяжкімі цёмна-шэрымі шматкамі хмар. Наляцеў вецер. Пануры і разбуральны. І люты ўраган, тужліва воючы, гоніць мой блукаючы дух у неймаверныя чарнеючыя высі. Мары

згубіліся ў раз’юшанасці бязлітаснай стыхіі, зацягнуўшы мяртвецкімі страшэннымі думкамі ўвесь небасхіл. Разважанні ператварыліся ў памылковасці і заблытванні. Адправіўшыся ў галаваломнае падарожжа напасцяў і ліхту́гаў, я пазнала сярод астральнага маўчання глыбіню горкіх думаў, цяжкага мучэння, адчаю і вар’яцтва, калі вар’яцтва заключаецца толькі ў адным – быць не такім, як усе.

Зараз рэчаіснасць выпала з прасторы, завалочачы густой заслонай беспрасветнасці былое існаванне, і нагадвае больш безвыхаднасць, дзе засталіся руіны памяці, сярод якіх здаецца, што ўжо ніколі не вернецца просінь нябёсаў. Але калі на чорным небе безразважнасці і скрухі ўспыхваюць адда́леныя водбліскі маланак, вырываючыя з хмар вогненныя жмуты, дык хочацца верыць, што гэта промні ўзыходзячага сонца…

А быць можа, ахмурэнне ля межаў небыцця – жудасны сон, цьмяны і тлеючы? А бездань цьмы – проста падман? І я, ачнуўшыся ад памылковых вымыслаў і выдумак, у велізарнай мешаніне сусвету ўбачу сваю зорку, цяплеючую дзень за днём, якая, разгарэўшыся, у рэшце рэшт прапаліць промнямі небасхіл і асветліць сваім харaством і веліччу чорныя хвалі страчаных год. І я, нарэшце, стаміўшыся ад гаданняў і бездапаможных слёз, адчую ўзым. І знаходзячы сутнасць натхнення і ўзвышэння, інстынктыўна і падсвядома ўпрыгожу ляда́шчыя спарахнелыя светы нягаснучым вянком самацветаў…

І добрыя чараўнікі, здольныя толькі на цуды, начэрцяць іншыя пісьмёны…

***

Адарвалася і адышло,
Растварылася, знікла
Неўсвядомленае “ці было?”,
Непрымальнае “прыкра”.
Ператвораная ў нецяпло
Недарэчнасць пяшчоты.
Першы крок на разбітае шкло
Замест мяккай лістоты.

Першы погляд у іншабыццё
Нетутэйшых прастораў.
Вынаходніцтва і адкрыццё
Не сваіх наватвораў.
Перайначанае пачуццё
Недамоўкай падання.
І адпушчаная ў небыццё
Легкадумнасць кахання.

***

Здаецца, спынілася ўсё і застыла.
Анёлы стаміліся думаць пра нас.
Прадбачанне смутку і водар змяркання
Сабой засланяюць нябёсаў блакіт.
Люстэрка ўспамінаў дрымотнага царства:
Згубіцца ў мінулым і ў днях, што прыдуць.
Схавацца пад покрывам мрой, што разбіты…
Празмернасцю змены пустэчы і крах.

Мы прагнулі выпіць салодкіх напояў,
А выпілі зелля атруту і хмель.
Між намі імглістыя сны-летуценні.
Каханне, якое спазналі – падман.
Героі аповесці без заканчэння
І два сілуэты з малюнкаў без фарб,
Рассеемся блікамі цьмянага ззяння
Мы, ператварыўшыся ў горстку руін.

Бадзягамі золак халодны сустрэнем.
Бясстраснага неба расплаўлены фальш.
І наша каханне – забытая небыль,
Шаленец пачуццяў і згублены сэнс.
Такія ж студзёныя першыя промні
Нацэляцца стрэламі ў сэрца-мішэнь…

І сведкай пажару – рассыпаны прысак.
І фактам расстання – пустэча вакол.

А зараз – спынілася ўсё і застыла…

***

напластаванне рэальнасці на летуценні
і летуценняў на рэальнасць
жаданне валодаць ёсць сіла прыцягнення
я гляджу скрозь магічны шар
і ўрываюся ў тваё мернае жыццё
калекцыя
разбураных светаў
і паламаных частак
дзе няма дакранання да мінулага
але часам ўзбуджаюцца ўспаміны
і на мяжы маўчання
іншае «я» глядзіць на мяне
а я гляджу срозь маску
і бачу толькі цені

***

Я живу не сегодняшним днем.
Отголоски из марева времени
Ворвались в ледяной окоем –
И склонились под тяжестью бремени
Все мечтанья мои, словно ивы у вод,
Что печалятся ночи и дни напролет.

Возвращенье назад без конца
По вселенным пустым и заброшенным.
И тоска тяжелее свинца.

Эхо прошлого гостем непрошенным
Пробежится по листикам ив,
Что поникли у вод, загрустив.

Архитектор иллюзий и снов,
Я тобой наполняю видения,
Обступили они мой альков,
И не верю во власть пробуждения.
Ивы хмурятся, еле слышна
Колыбельная долгого сна…

***

Страна марионеток
Раскроет тайники,
Где наши напоследок
Танцуют двойники.
Что есть, переиначит
Зажженный бал теней.
Ты – кукловод, и значит,
Во власти я твоей.

Я – кукла в этой сказке,
Ты – повелитель в маске.
Я падаю в объятия твои…

Распахнутые двери
В потусторонний мир.
Печаль крадется в щели.
Меланхоличный пир
Устроил для меня ты,
Затеяв этот бал.
Расплавленные взгляды
Магических зеркал.
Я – кукла в этой сказке,

Ты – повелитель в маске.
Объятия петлею палача…

Ты правишь бал для кукол,
Точнее – для одной.
Кричит досада в рупор,
И темнота стеной.
Ночные силуэты,
И вычурная страсть.
Движенья, пируэты,
Чтоб навсегда пропасть.

Я – кукла в этой сказке,
Ты – повелитель в маске.
Ради тебя падение мое…

Преданья о надеждах
Сгорят вместе со мной.
В полузакрытых веждах
Предсмертный, роковой
Крик жертвы, что мечтала
Твоею жертвой стать.
Ты – повелитель бала,
Мне больше не летать...

Я – кукла в этой сказке,
Ты – повелитель в маске.
Я – кукла, чтоб со мной играть…

***

Позолотой – с деревьев листва,
Серебром – с поднебесья пороша.
Закручинилось вновь, и молва
Всё печальней становится тоже.

Из далеких арктических вод
Понимается ветер морозный.
И пурга набирает свой ход,
И буран надвигается грозный.

Впереди ожидает метель,
Позади – кутерьма листопада.
Беспощадных ветров канитель –
Сквозняки опустевшего сада.

Замерзать на холодных ветрах
В самом логове зимних владений.
Погребение сердца и крах
Всех желаний, надежд и стремлений.

Нет бесплодней пустынной тайги,
Собирающей все ураганы:
Распускает зима кулаки,
Обнимают слепые туманы.

Не найти заповедных дорог.
Твое имя теперь под запретом.
Для души моей зимний чертог
Возводил ускользающим летом

Тот, кого я считала творцом,
Живопишущим над цветниками.
Осень поздняя с грустным концом.
Зима снежная бьет кулаками,

Аквилоны спуская с цепей,
Снежным бурям простор отдавая.
Причитанья потерь и скорбей –
Серенада моя снеговая.

ВИКТОР АЛДОХИН

Родился 21 декабря 1931 года в городе Клетня Брянской области (Россия). Окончил Высшую школу милиции в Минске в 1961 году, Ленинградский монтажный техникум в 1966 году, Рославский техникум механизации сельского хозяйства. Работал в разных городах, занимая различные должности. Долгое время служил в органах внутренних дел. Начиная с 1960 года, начал писать стихи и песни. Занимается творчеством по сей день. В настоящее время живёт в Минске.

Поздравление женщинам 8 Марта

И снова к нам пришла весна,
Она в свои права вступила.
Восьмое марта подошло –
Не забывать мужчин просила.

А как известно всем давно,
Восьмое – праздник поцелуя.
Все грудь готовы подставлять
Амурным стрелам, вновь рискуя.

Еще прекрасен праздник чем:
Мы хвалим женщин, не смолкая,
Пред их красой и добротой
Мы низко головы склоняем.

Но, низко головы склонив,
Должны мы сделать всё по чести:
Сказать ведь надо: любим вас!
С любовью жить, и жить без лести.

И в этот день желаю всем
Вам счастья женского немало,
Чтоб вам хватило на всю жизнь
И для потомства чтоб осталось!

***

Я слесарь был, им вечно буду –
Категорично говорю.
И когда в гости смерть нагрянет,
Ей косу быстро отобью.

Потом я сяду с нею рядом,
Поговорим о том, о сём,
Как жили мы на этом свете,
Прикинем, будем как на том.

Ну, а потом, как подобает,
Мы выпьем по стакану с ней.
Свою же песню ей в дорогу
Я пропою – про мир теней.

Поздравление
Владимиру Ивановичу Бородавко
в честь 60-летнего юбилея

Народ завода, словно улей,
И все поздравить норовят,
Ведь генеральному сегодня
Минуло ровно шестьдесят.

Вам шестьдесят всего сегодня –
Пускай минет еще полста.

Да, в Ваши годы мудрость правит,
Судьба ведь Ваша непроста.

И всё в дальнейшей жизни Вашей
Пусть гладко будет – в трудовой.
А в личной жизни – счастья много,
Товар ведь это дорогой.

Пусть Ваше счастье долгим будет,
Пусть будет ярким до конца.
Его Вы точно заслужили,
Ведь не теряли Вы лица.

Ваш юбилей все отмечают,
Пусть Вам воздастся по делам.
Живите счастливо и долго –
Себе на радость и всем нам.

Весна

Нам солнце улыбнулось,
Мы крикнули: «Ура!»
Проснулась вся природа –
Пришла весна с утра.

Весна – не время шуток:
Пора любви грядет.
Друг друга уважайте –
Любовь сама придет.

Вдруг явится нежданно –
Не нужен пропуск ей,
Без вашего согласья
Она летит быстрей.

Любовь вас так закружит,
Она вас в плен возьмет,
Поэтом стать поможет,
Отцом – коль повезет.

Да! Счастье быть любимым.
Да! Счастье так любить.
Так помоги нам, Боже,
Всё это совместить!

Оглянись и сделай вывод

Снова в зубы ты воткнула
Сигарету, и не раз,
И опять ты водку хлещешь,
Словно воду или квас.

Ты пойми, в дыму табачном
Уничтожишь красоту,
Растеряешь добродетель
И получишь пустоту.

Пустоты земля не терпит –
Искажается процесс.
Не родится в пьянке гений,
Лишь появится балбес.

Так зачем тебе, родная,
Ряд балбесов умножать?
Лучше брось курить отраву
И попробуй лучше стать!

Золотая осень

Какой мастак, какой кудесник
Так расписал осенний лес?
И слов, конечно, не хватает,
Чтоб описать тот мир чудес.

Мастак, конечно, всем известен.
Он всемогущ, он у руля.
Всё то он создал, что мы видим,
Ему подвластна вся земля.

Его Всевышним называют,
Его Великим тож зовут.
О, Боже наш, тебя мы славим
За твой – для нас – тяжелый труд.

Парку имени 60-летия Фрунзенского района г. Минска

Мой парк, о мой прекрасный парк,
Пою я неустанно.
Ты красотой чаруешь глаз,
Так сердце бьется странно.
Хоть небольшой, но всем хорош
Оплот природы милой.
Ты душу лечишь шепотком,
Листвы древесной силой.

Здесь есть, конечно, дуб и клен,
И ясень вперемешку.
Ты перед парка красотой
Скинь кепку и не мешкай.
Коль голова вдруг заболит,
Не надо пить таблетки –
Парк вылечит за полчаса,
Не разрушая клетки.

О себе

Пусть детский лепет я пишу –
Читать насильно не прошу.
Но время не всегда для дела,
Глядишь – вот проза надоела.
Тогда откройте томик мой,
Найдете, внуки, там покой.
Но там найдете вы и то,
Что поразит вас на все сто.
И кровь вскипит в стенах сердец,
Услышу: «Дед, ты молодец!»
Коль АВП я расшифрую,
То получу я, не рифмуя,
Всего себя я, не тая:
Алдохин Виктор – это я,
Прокофий – внукам наконец
Напомню я, был мой отец.

Поэту Вячеславу Корбуту

Тебя еще я знаю мало,
Но замечаю я всегда:
В тебе есть то, что не хватает
Так многим людям иногда.

В твоих глазах не вижу гнева,
Твои слова почти бальзам,
Тебя хвалю, хвалю за это:
Не роешь ямы тут и там.

Ты нам поддержка и опора
На поэтическом пути.
Ты подтолкни нас крепко в спину,
Чтоб мы могли вперед идти.

С твоей руки благословенья
Случится, может быть, – как знать? –
Я напишу с десяток песен,
Народ их будет распевать.

Славе Букве

Без букв нам просто не прожить,
Без буквы слова не составить,
Сложить мы можем только «му»
И замолчать себя заставить.

А буквы, эти крохи нам
Дают простор они летучий,
От них родится и язык,
И все зовут его могучий.

И с его помощью, друзья,
Прогресс ничто не остановит,
Но я советовал бы всем:
Поменьше надо сквернословить.

Язык простор дает всему,
Полет приносит вдохновенью,
А вдохновение в стихах,
Как будто бы со сцены пенье.

Наполним мы вином бокал,
Чтоб жизнь нам радость приносила,
В честь буквы выпьем и споем,
Есть в букве жизненная сила!

ЯКАЎ АНАПРЭЕНКА

Нарадзіўся 6 студзеня 1952 годзе ў вёсцы Грушнае Брагінскага раёна. Скончыў Лоеўскае педвучылішча, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (філасофія), Белдзяржпедуніверсітэт (псіхалогія), вышэйшыя камсамольскую і партыйную школы, аспірантуру БДУ, магістратуру БДПУ. Працаваў настаўнікам на Паміры. Падчас тэрміновай службы ў арміі стаў афіцэрам. У МУС прайшоў шлях ад патрульнага міліцыянера да вядучага навуковага супрацоўніка Навуковага цэнтра. Супрацоўнік Службы бяспекі Штаба XXII Алімпійскіх гульняў (1980), удзельнік ліквідацыі наступстваў аварыі на ЧАЭС (1986), лаўрэат Міжнароднага конкурсу ўрада КНДР (1987). Неаднаразова выбіраўся дэпутатам, адзін з заснавальнікаў Партыі народнай згоды (1992). Першы ў Беларусі магістр псіхалогіі. Аўтар публіцыстычных і навуковых прац па праблемах сацыяльнай псіхалогіі, 10-ці томнага збору твораў "Эклектыка", эсэ "Грушэнскі радавод", фалькльорна-этнаграфічнага рамана "Грушэнскія пролагі" (уключаны ў базы даных каталогаў MIPP International, Brooklyn, NY 11235 USA), гісторыка-біяграфічнага рамана "Лоеўскія пролагі". Мае дзяржаўныя і ведамасныя ўзнагароды.

Паветраны шар

Некаторыя грушэнцы не баяліся выказваць свае думкі наконт палітычных падзей, але разумелі, што ў звышідэалагізаванай краіне абмяркоўваць дзеянні Камуністычнай партыі можна было толькі ў станоўчым ракурсе. Мужыкі на нарадзе ў цесным памяшканні канторы ці ля старой лаўкі звычайна дзяліліся то чуткамі аб маючым адбыцца ўрэгуляванні прысядзібных участкаў, то пра каго-небудзь з вяскоўцаў. Зіма яшчэ не скончылася, да вясны далёка – часу для гутаркі шмат. Асабліва жвава абмяркоўвалі газетны артыкул пра тое, што амерыканцы запускаюць на тэрыторыю Савецкага Саюза паветраныя шары з атрутай, каб заразіць людзей яшчурам: "Савецкі ўрад 4 лютага накіраваў урадам ЗША і Турцыі, і 5 лютага ўраду Германскай Федэральнай Рэспублікі ноты па пытанню аб запуску амерыканскімі ваеннымі органамі паветраных шароў у межы паветранай прасторы СССР. Камандаванне ваенна-паветраных сіл ЗША прызнала, што было запушчана 500 паветраных шароў з рознага роду апаратурай і прыстасаваннямі, якія прызначаны для вядзення аэрафатаграфічнай разведкі". Камуніст Гаўрыленка Халіман прадказаў: "Калі падзеі будуць так развівацца і далей, то інтрыгі імперыялізму могуць дайсці і да нас". Але грушэнцы гэтаму не надалі належнай увагі – "рознае пішуць газеты".

Праз некалькі месяцаў грушэнцам наяве прыйшлося сутыкнуцца менавіта з гэтай "інтрыгай імперыялізму". Па вёсцы пачалі хадзіць чуткі аб тым, што нехта знайшоў каля лесу вялічэзны кавалак гумы, верагодна, ад паветранага шара. Жанчыны, наслухаўшыся аб магчымых "дыверсіях імперыялізму", адразу забаранілі сваім дзецям падыходзіць да месца падзення шара і нават дакранацца да зямлі, таму што яна можа быць атручана шпіёнамі.

Нягледзячы на ідэалагічную прапаганду, сярод грушэнскіх дзяцей, як мабыць, і ўсюды ў свеце, знайшліся смельчакі, якія адважыліся парушыць забарону бацькоў. І вось ужо па вёсцы, спачатку таемна, а потым усё смялей, а затым у адкрытую, ходзяць падлеткі з вялікімі кавалкамі шэрай гумы, дзеляцца, слюнявяць, спрабуюць зубамі. Гума больш тоўстая, чым соска ў лаўцы, але ў многіх хапае сіл, каб праз вусны надзімаць капшукі і гучна іх ляпаць.

Човен

Яшчэ ў старадаўнасці нашы продкі ў якасці сродку воднага транспарту для перавозак грузаў і рыбнай лоўлі карысталіся лодкамі, выдзеўбанымі з цэльных ствалоў дрэў, і называлі іх чоўнамі. Для перавозак па Дняпры вялікіх грузаў старажытныя славяне выраблялі ладдзі з прамымі і разагнутымі бартамі, а таксама буйныя грузавыя пласкадонныя ветразева-грабныя судны тыпу бárак. Вядомы былі нашым прашчурам баркасы, камягі, шугалеі, розных памераў паромы і іншыя судны. На ўстойлівых на плаву вялікіх вастраносых дубовых чоўнах з адцягнутымі бартамі, разлічанымі на перавозку вялікіх грузаў, па Дняпры і Брагінцы кіеўскія князі з дружынай хадзілі

ў палюддзе для збору даніны. На такіх жа лёгкіх і рухавых чоўнах у старажытнасці па водным шляху з “варагаў у грэкі” праз унутраныя водныя шляхі, у тым ліку і па адным з адгалінаваных пратокаў, па рацэ Брагінцы, забяспечваліся гандлёвыя сувязі краін Заходняй і Паўночнай Еўропы з Візантыяй і краінамі Усходу.

Аднойчы мне таксама прыйшлося праплыць па водным шляху з “варагаў у грэкі”. Калі я быў зусім малы, мой поўны цёзка дзед Якаў, вялікі аматар рыбнай лоўлі, пракатаў мяне ў чоўне па Брагінцы. Зробленае ім самім з тоўстай ліпы вастраносае судна было з шырока разгорнутымі бакамі і злёгку закругленай кармой, з вадарэзам і без уключын. Калі мы зручна ўселіся ў транспартны сродак, а човен павольна аддзяліўся ад берага, рака панесла нас па цячэнню. За кармою чаўна цурчала вада. Пакуль дзед, спрытна стоячы на карме, шпарка завіхаўся з адналопасным вяслом, было чутна, як вада ціха бурчала за бортам. Я сядзеў на перакладзіне ў сярэдзіне судна. Човен несла над гладкай ракой. Човен плыў у блакіце зверху і знізу. Блакіт без канца і без краю. Блакіт быў у небе і ў вадзе. Блакіт нёсся адусюль. Я бачыў неба пад вадою. Вакол была вада, водная роўнядзь. І галоўным быў човен, вельмі вялікі і вёрткі доўблены човен. Гэтае асаблівае пачуццё, гэткае дзіва доўгай незвычайнай дарогі не стамляла зайздросціць воднай таямніцы. Па хвалях, якія ўзнімаліся з вады ля чоўна, ігралі водблескі сонца... Але наперадзе – цікавае. Вось – бераг, а вось – водныя расліны, прымацаваныя да грунту ракі, з плаваючым на паверхні лісцем і суквеццямі. А вось – водныя расліны, якія цалкам апушчаны ў ваду, плаваюць у блакітнай рацэ. Вось белы гарлачык, вадзяная лілея на доўгіх чаранках. А вось гарлачык жоўты на доўгіх кветаножках. А гэта – раска, жабіна дзяружка, – яна свабодна плавае, утвараючы суцэльнае покрыва на паверхні ракі.

Дзед, абапіраючыся на вясло, сеў на карме і паклаў вясло ў судна. Човен плаўна праносіла паўз бераг. Поруч з чоўнам праплыла белая, з шызай мантыяй і чорнай шапачкай даўгадзюбая з вузкімі крыламі крачка; ля берага яе чакала чарода сваячак. Лазурная вада прыбліжала чароўнае пясчанае дно, на якім відаць было амаль нерухомую зграю вусатых плямістых пячкуроў. Бліскучыя празрыстыя залаціста-сінія стракозы-прыгажуні з вялікімі вачамі пераляталі, ганяючыся, з чарацінкі на чарацінку, з раслінкі на раслінку, або ненадоўга застывалі ў паветры. Шызыя даўгакрылыя ластаўкі-беражанкі імкліва пікіравалі над вадой. У зараснік трыснёгу, дзе паласкалася вадзяная курка з зеленавата-сінім апярэннем і белым падхвосцем, шмыгнула чаротавая аўсянка. Па звычцы прыляцеўшая з Дняпра белая чайка-крачка з доўгімі крыламі павольна пранеслася над чоўнам, усведамляючы сваю ўладу ў прасторы...

Дзед, убачыўшы маё незвычайнае задавальненне падарожжам, з гонарам замармытаў вясёлую песню і спрытна заарудаваў вяслом. У яго вачах адчувалася асалода. Яго рукі спрытна падміналі пад човен ваду. Рачная плынь і моцныя рукі дзеда панеслі човен па вадзе яшчэ хутчэй, чым дагэтуль. Ударыла па вадзе вясло. З-пад вясла над вадой узняліся іскры. Яшчэ ўдар – і мірыяды малюсенькіх срэбраных шарыкаў імгненна пакаціліся па воднай роўнядзі. Здавалася, быццам кветкі ўзбуджана ўзнялі над вадой свае макаўкі. Я ўбачыў гарлачыка: ён быццам праплываў побач і вітаў мяне, гойдаючыся на хвалях. За вадарэзам пенілася, як ў віру. Зялёная сцяна водарасцей закалыхалася маленькімі хвалямі. І толькі адзін човен спакойна, нецырымонна, але вольна і ўпэўнена перамяшчаўся ў адведзеным яму напрамку. Я радасна зажмурыўся, перайшоў на нос чоўна. Зноў паказаліся рыбкі ў вадзе. Дзед асцярожна падаўся да мяне і прашаптаў: “Лаві!”

Я прасунуў да іх у цёплую ваду рукі – і... рыбкі спрытна ўцяклі. Іх паглынула вада. Дзед з лёгкасцю уздыхнуў і ўсміхнуўся.

Калі мы за паваротам праплылі вербалоз, які ўтварыў вадзяны лес-лазняк, над плынямі лётаў пяшчотны ветрык. Дзед павярнуў човен на бераг, стаў павольна веславаць і сказаў, што трэба ставіцца на прыкол. Бераг павольна набліжаўся.

Калі човен глуха стукнуўся аб бераг і дзед сышоў, каб прышвартавацца, адчувалася яго вялікае задавальненне падарожжам. Усведамляючы далёка не выкарыстаны патэнцыял гэтага транспартнага сродку, дзед сказаў: “На чоўне можна дабрацца да Кіева”.

Кузня

“Кузня” – слова грушэнскае. У некаторых месцах Беларусі гавораць: “гамарня”, што па-руску значыць: “кузница”. Апрацоўка

металу коўкай (злучэнне металічных вырабаў, нагрэтых у печах або горнах, штампоўка, прэсаванне) вядома з сівой даўніны, калі людзі пачалі яго выкарыстоўваць. Аб тым, наколькі важнай справай у жыцці людзей была гэтая тэхналогія, сведчыць тое, што многія купцы, астраномы, рэвалюцыянеры, пісьменнікі, акадэмікі мелі адпаведныя прозвішчы, а гарады – назвы, звязаныя з кузняй. У Грушэнскай кузні ля канавы, што ўпадае ў Брагінку, доўгі час кавалём працаваў дзед Ціт Савельевіч, які паступова і паспяхова перадаваў свой вопыт малатабойцу Півуну Калістратавічу. Дзед Ціт каваль быў дасведчаны. У час Першай Сусветнай вайны ў аўстрыйскім палоне ён нагледзеўся розных тэхналагічных працэсаў у вялізарных фабрычна-завадскіх цэхах і часцяком распавядаў, як аўтаматычна робяцца цвікі, гнецца тоўсты метал і іншае. Але ж і грушэнскія кавалі ўмела выраблялі розныя гаспадарчыя прыстасаванні: ад падкоў, сярпоў і вілачнікаў да дэталяў вазоў, сеялак і трактароў.

Мой дзед Якаў, які і сам быў майстрам на ўсе рукі, любіў пры магчымасці зайсці ў кузню, пагаварыць з суседам Цітам або самому змайстраваць для асабістых патрэб якую-небудзь дэталь. Ён умела карыстаўся горнам, каваў метал, мог зрабіць падкову і тут жа падкаваць каня. Яму вельмі падабаўся працэс коўкі, як спосаб апрацоўкі металу ціскам. У выніку шматкратнага перарывістага ўдарнага ўздзеяння невялікім малатком па нагрэтай ў горне нарыхтоўцы дзед надаваў ёй зададзеныя форму, памеры і якасць. Калі жалязяка не была дастаткова пластычнай і супраціўлялася дэфармацыі, дзеду вялікім молатам дапамагаў Півун, які добра спрактыкаваўся ў цяжкай працы, спрытна і рытмічна арудаваў сваім інструментам. Звон з кузні так разлятаўся ўдалячынь, што рэхам адбіваўся ад лесу, хат і нават хмар. Кожны ведаў: працуе кузня.

Дзед Якаў вельмі любіў вадзіць мяне з сабой у кузню, таму што хацеў, мабыць, каб я авалодаў цудоўным рамяством каваля. Мне цікава было назіраць за вельмі звонкім і незвычайным працэсам. Я назіраў за работай скуранага горну і асабліва цікавіўся раздуваннем ніжняга яго меху, гарэннем каменнага вугалю ў топцы, ператварэннем у страшэнным жары металу з шэрага колеру ў чырвоны і нават белы, а таксама гартаваннем металу ў вадзе ці масле.

Аднойчы летам у кузні дзед Якаў абмяркоўваў з мужыкамі міжнародныя навіны. Мне стала марудна, таму што ўсё гэта было вельмі нецікава, і я пайшоў да мосціка на канаве назіраць разам з іншымі хлопцамі за рыбкамі ў вадзе. Нехта зайздросна пакрыкваў: “Глядзі, вунь рыбка на пяску пад вадой”. Мы ляжалі на мосціку і спрабавалі дацягнуцца рукой да вады – так блізка, здавалася, плаваюць рыбкі. Нехта дакрануўся да вады, і яны хутка схаваліся ў водных раслінах. Калі рыбкі зноў з’явяліся, я таксама спрабаваў злавіць іх. Але недастатковы розум не дазволіў мне разлічыць цэнтр вагі для балансіроўкі, і я боўтнуўся галавой у ваду. У нечаканым незвычайным стане я безвынікова спрабаваў самастойна выбрацца з вады. Але вельмі хутка на кліч дзяцей прыбег спалоханы дзед Якаў і вызваліў мяне з палону Нептуна.

Мабыць, дзед не паспеў да канца абмеркаваць у кузні міжнародныя справы, таму што трэба было весці мяне пераапранаць.

Грушэнскія абрады

У перыяд майго дзяцінства грушэнцы ў традыцыйных дзеяннях-абрадах сімвалічна выражалі і замацоўвалі адносіны паміж сабой ва ўмоўных жыццёвых сітуацыях песенна-дэкаратыўнымі рытуаламі, звычайна звязанымі з гаспадарчай дзейнасцю і гумарыстычна-грамадскімі адносінамі. Асабліва выразна праяўляліся абрады на вяселлі, а таксама ў рытуалах радзін, пахавання, калядавання, шчадравання, навагодняга “засявання”. На Спаса, Пакровы, Каляды, Масленіцу, Купалле грушэнцы ў песнях выкарыстоўвалі жартаўлівыя тэатралізаваныя элементы. У чыста жаночых калектывах гэтыя элементы часцяком пераходзілі на жаласлівы лад са слязамі і горкімі ўспамінамі.

Масленіца. Напярэдадні Вялікага посту (Масляны, ці Сырны тыдзень), які ўмоўна падзяляе зіму і вясну, на восьмы дзень перад Вялікаднем баба Аксіння чысціла рыбу, налоўленую дзедам Якавам у Брагінцы, а мама пекла мучныя бліны. У гэты час звычайна на вуліцы з’яўляліся жабракі з далёкіх сёл, якіх у Грушным называлі “старцы”, і ім перападала тое-сёе смачнае. Я з іншымі дзецьмі катаўся на горачцы ля Ліды Цыбулькі. Сусед Саша Прахорчык на зайздрасць

іншым дзецям катаўся па вуліцы на змайстраваным яго дзедам Цітам арыгінальным снежным самакаце (суцэльны трохмятровы кавалак арматуры двойчы сагнуты літарай “П” такім чынам, што два палазы пасля загіну ўверх былі суцэльна злучаныя). Недзе гучна спявалі дзяўчаты. У апошні дзень “праводзін Масленіцы” хтосьці сабраў натоўп ля ўваткнутага ў тычку пудзіла Масленіцы з ануч і саломы, нібы ў жаночым адзенні, і пад вясёлыя крыкі і гумарыстычныя жарты нёс па вуліцах вёскі. У Чысты панядзелак (першы дзень Вялікага паста) мужыкі ля лаўкі “законна” пілі гарэлку, а жанчыны па гаспадарцы ачышчалі пакоі і посуд ад скаромнага.

Гуканне вясны. На Паўлавай горцы, дзе было бліжэй да неба, ўсю зіму дзеці каталіся: хто на санках, хто на лыжах, а хто на карыце ці проста коўзаўся на нагах. У канцы зімы, калі дазваляла надвор’е, тут збіраліся нават дарослыя, каб пазабаўляцца-падурэць разам з дзецьмі ў снезе. Кажуць, што гэтыя забавы ў іншых месцах называюцца “гуканнем вясны”, але я не памятаю, каб грушэнцы давалі гэтым гульням такую назву.

Вялікдзень. У грушэнцаў гэтае свята было найгалоўнейшым. Памятаю, як баба Аксіння заносіла ў хату асвечаную святой вадой пры богамаленні ў Верынай хаце галінкі вярбы, якую захоўвала да наступнай Вербніцы. Яшчэ да Пасхі, у Чысты чацверг, усе грушэнцы стараліся памыцца хто ў чым: у балеі, карыце ці нават у начоўках. Мама заўсёды адна бяліла вялікую хату з усімі куткамі ля двух пячэй (адна не дзейнічала), двух грубак, дбайна мыла шурпатую падлогу. Я ёй дапамагаў вытрасаць сеннікі з ложкаў, перастаўляць сталы і крэслы. Баба Аксіння да гэтага дня рабіла здобныя булкі і варыла чырвоныя яйкі, якія вечарам “асвечвала” у Верынай хаце. Ранкам Пасха пачыналася ўрачыстым святочным снеданнем. Усе чакалі, калі дзед Якаў першы браў чырвонае яйка, а потым гулялі ў “мацака”: у каго з умоўных супернікаў пасля ўдару яйка застанецца цэлым, той і выйграў. А на вуліцы ўсё больш і больш з’яўляецца аб’еўшыхся каўбасамі ці іншымі стравамі сяльчан, жадаючых згуляць у “мацака”: хто выйграе – таму застанецца “біток” суперніка. Звычайна туканкі ў “мацака” да абеда заканчваліся, таму што амаль усе яйкі грушэнцаў ператвараліся ў “біткі”. Да гэтага ў асноўным і зводзіўся асноўны сэнс Пасхі.

Радуніца. Грушэнцы заўсёды па традыцыі шанавалі памерлых. Гэты дзень заўсёды прыходзіцца на аўторак, ён прызнаны праваслаўнай царквой, таму што пасля свята Пасхі можна было падзяліць з нябожчыкамі радасць жыцця. Баба Аксіння гаварыла: “Ад Пасхі да Радуніцы нельга мыць усе цела, а можна толькі ўмывацца”. Яна ў гэты час не працавала ў агародзе, не мыла бялізну, мама не мыла падлогу, дзед Якаў і бацька не калолі дроў і не рабілі цяжкай працы. Амаль усе грушэнцы наведвалі могілкі і здзяйснялі розныя рытуальныя дзеянні, прыносілі ежу, ў асноўным велікодныя яйкі, клалі на крыж або на магілу, дзе сумавалі па назаўсёды пакінуўшых іх блізкіх людзях. Пасля абеду мужыкі гулялі ў карты, устрайвалі папойкі, а жанчыны сядзелі на лавачках.

Саракі. 22 сакавіка, у дзень веснавога раўнадзенства, у Грушнае, як і ва ўсё Паўночнае паўшар’е, прыходзіць вясна. Баба Мар’я гэты дзень даўно чакала і гаварыла: “Калі да Саракоў гракі рана прыляцяць, то будзе цёплая вясна”. Ніякіх рытуалаў грушэнцаў, звязаных непасрэдна з Саракамі, акрамя падрыхтоўкі да веснавой сяўбы, я не памятаю.

Юр’я і Ушэсце. У дні гэтых свят грушэнскія дзяўчаты, ўшаноўваючы вясну і росквіт прыроды, плялі вянкі з першых лугавых кветак, надзявалі самай прыгожай на галаву, называлі яе русалкай, вадзілі вакол яе карагоды і спявалі песні, каб зберагчы прыгажуню ад маланкі.

Тройца. У 50-ы дзень пасля Пасхі грушэнцы святкавалі росквіт прыроды, адзначалі спасланне Святога Духу на апосталаў і ўслаўлялі Святую Сёмуху. Баба Мар’я па загаду Іаана Залатавуста ўпрыгожвала плюшнікам падлогу. Жанчыны ішлі маліцца ў Верыну хату, упрыгожвалі вербныя галінкі.

Купалле. У ліпені грушэнскія хлопцы ля маста праз Брагінку з ламачча палілі касцёр, каб пазбегнуць злой сілы, а дзяўчаты спявалі пра цудадзейную сілу зёлак. Нежанатыя хлопцы і дзяўчаты гуртамі сабіраліся пад страхой Карнеенкавай хаты, амаль да ранку танцавалі пад музыку гармоніка ці баяна. Завязваліся рамантычныя сувязі. Але ніякіх пошукаў папараць-кватні у Грушным не было.

Жніво. Ад пачатку ліпеня да канца верасня цягнулася жніво – самая цяжкая працоўная дзея, асабліва для жанчын, таму што жыта

жалі ў асноўным жанчыны сярпамі. У Грушным аб зажынках было далёка чуваць па перастуку малаткоў у кузні: то Півун з дзедам Цітам правілі жанчынам сярпы, рамантавалі вазы. І я бачыў, як у Бешанцы жанчыны спявалі пра каханне, пра параненага казака, які з вайны праязджаў праз вёску, пра цяжкую долю жанчыны, якая выйшла замуж у далёкую вёску і сумавала па сваёй матулі.

Пакровы. 14 кастрычніка, у пераломны момант ад лета да зімы, грушэнцы адзначалі Пакровы – свята ў памяць з'явы каля 910 года ва Улахернскім храме ў Канстанцінопалі Багародзіцы, якая распасцёрла свой полаг над усімі вернікамі. Грушэнскія хлопцы і дзяўчаты збіраліся ў каго-небудзь у хаце на вячоркі. Многія людзі хадзілі гасцяваць у суседнія вёскі. Да маіх бацькоў з Ляд прыходзіў селянін, які пеў: "Разудала мая Пашачка-красавіца на ўвесь белы свет. Дайце стаканчык гарэлачкі". А пасля "рытуала" лажыўся ў стружкі ля верстака ў першым пакоі і засынаў да ранку. Баба Аксіння гаварыла: "Прышла і пытае Пакрова, ці да зімы я гатова".

Дзяды. Грушэнцы спрадвеку ўшаноўвалі памяць сваіх памёрлых продкаў, душы якіх быццам прыходзяць ў гэты дзень да іх. Напярэдадні Змітравага дня мужыкі наводзілі парадак у двары, а жанчыны вешалі новыя ручнікі, мылі абразы, быццам рыхтаваліся да сустрэчы з гасцямі. На могілках успаміналі памёрлых, звярталіся да іх як да жывых. Вечарам на памінальным стале з абрусам запальвалі агонь, маліліся. Гарэлка ў стакане і што-небудзь з ежы ставіліся асобна. Сумна пад чарку добрым словам паміналіся нябожчыкі. Баба Мар'я гаварыла, што памерлыя "дзяды" у гэты дзень могуць прыйсці да каго-небудзь дадому, каб адзначыць памінкі разам з жывымі. Яна, мабыць, чакала дзеда Дораха, таму што на падаконнік ставіла стакан з вадой і некранутую вячэру.

Грушэнскія вяселлі

У час майго дзяцінства ў Грушным штогод было многа вяселляў. Гэтым абрадам суправаджаўся законны шлюб, зарэгістраваны ў сельскім Савеце. Цудоўная прырода, мірная праца, а найважней – галоўны інстынкт – прыводзіў рамантычныя адносіны маладых

людзей да шлюбнага абраду, ці, як казалі грушэнцы, "згуляць вяселле". Вяселле – гэта кульмінацыя псіхафізіялагічных змен у жыцці юнака і дзяўчыны, прызнаная дзяржавай (стварэнне адзінкі грамадства) і соцыумам (бацькі, сваякі, сябры і інш.).

Незалежна ад таго, знаёмыя маладыя ці не, рытуальна родзічы наймалі сватоў для ўгаворвання бацькоў на заключэнне шлюбу. Бывала ў Грушным, калі маладая, малады ці іх бацькі не давалі згоды на шлюб. Тады перагаворы зацягваліся. Сват, які добра ведае хлопца, ці сваха, якая добра ведае дзеўку, у алегарычным сэнсе ("У вас ёсць добрая кароўка, мы хочам яе купіць…") расхвальвалі сваю палову, пакуль бацькі і маладыя не давалі згоды на шлюб. Калі згода дасягнута, на стале з'яўляліся гарэлка, хлеб і соль. Дамаўляліся пра дзень правядзення вяселля ў падрабязнасцях: каго запрасіць, колькі рыхтаваць гарэлкі і ежы, а за маладымі заставаўся выбар ша́фераў і іншых нязначных абставін.

Усё ж кожны бок рыхтаваўся аўтаномна. Сябры жаніха і нявесты ў дзень вяселля таксама збіраліся асобна, а старэйшыя ўдзельнікі ішлі да асноўнага месца падзеі. Нявеста была апранута ў прыгожае адзенне з вянком на галаве, а жаніх у святочным адзенні абавязкова меў кветкі на пінжаку. Сваты абвязаны ручнікамі. Сваякі хавалі нявесту, каб жаніх знайшоў яе і заплаціў выкуп. У момант гэтай працэдуры часам разгараліся гарачыя таргі, але жарты перамагалі.

На падасланым сенам і пакрывалам возе з упрыгожаным запрэжаным канём са звонкімі бубянцамі, каб далёка было чутна, ехала вяселле. Грушэнцы любілі перагароджваць дарогу, каб у якасці выкупа атрымаць бясплатныя падарункі. Жаніх даваў гарэлку, а нявеста кідала цукеркі. Бацькі сустракалі маладых з хлебам, соллю і гарэлкай, запрашалі гасцей за стол. За сталом жаніх і нявеста ў акружэнні шафераў і хросных сядзелі ў куце на падушцы. Усе іх хвалілі, самі частаваліся і, каб болей выпіць, крычалі: "Горка!" Абменьваліся падарункамі. Рыхтаваўся пасаг у скрыні…

Сват-тамада кіраваў вяселлем, пакуль баль не пераходзіў у клуб з удзелам усіх жадаючых. Там гарманіст іграў "польку", людзі танцавалі, весяліліся.

Вяселле працягвалася звычайна два дні.

ТАЦЯНА БЕЛАНОГАЯ

Нарадзілася 24 чэрвеня 1984 года ў горадзе Мінску. У 2007 годзе скончыла факультэт прыродазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага універсітэта імя М. Танка. Зараз працуе ў турыстычнай сферы. Вершы і песні піша з 16 год. На сцэне выступае з уласнымі канцэртнымі праграмамі з 2002 года. Свае вершы друкавала ў часопісах "Паміж", "Верасень". Выдала некалькі дыскаў з аўтарскімі песнямі, сярод іх: "Там, дзе мы", "Пабачыць свет", "Дзьвюкроп'е".

Музыка

Музыка. Табе трэба цішыня.
Ты не можаш быць самотнай,
Ты не жалезны кулак.

Музыка. Непрыручаны пясок.
Табе нельга жыць без волі,
А мне нельга без цябе.

Музыка. Шмат разоў забівалі цябе.
Кожны раз ты – мур.
Кожны раз – вочы.

Музыка. Для мяне ты лялька,
І Бог,
І імя ў цябе няма.

Музыка. У тваіх жылах дождж.
У крыві тваёй голас і час бясконцасці.

Музыка. Табе іншая цана.
Цяпер я разумею, навошта
Нараджаецца дзень.

Музыка. Ты прыносіш пах крыві,
І размову з небам, і адказы.

Музыка. Я плачу на дарозе.
Я выбягаю з дому.

Музыка. Каму не страшна з табой,
Той сапраўдны вар'ят.

Музыка. Ты не чалавек,
Але я чакаю цябе
З заміраннем сэрца,

Музыка...

Кола

У сутонні чорным мая птушка стогне.
Божа, ты ўсё можаш – вярні мне жыццё.
Дзе наш Пётар з ключом ад цудоўнага раю?
Дзе цуд, у які верым?

А мая дарога пераплаўленая ў кола.
Я хаджу па ім ды спяваю песні
Жабракам ды сляпым дзецям,
Маладым наркаманам ды галодным сіротам.

А я хацела сказаць, што я не супраць.
Я так хацела сказаць, што мне не блага.
Толькі вашае неба мне стала атрутай,
Толькі вашыя ролі мне сталі смерцю.

Мне спяваць не цяжка.
Мне спяваць не цяжка.

Мая мара толькі застацца сабою.
Мне спяваць не цяжка.
Мне спяваць не цяжка.
Проста балюча.

Нябачныя танкі

Ціхая вада, нябачная рака.
Я хачу туды, дзе мяне няма.
Я хачу туды, дзе мяне не было.
Я хачу туды, дзе ёсць святло.

Нябачныя танкі пройдуцца па тваёй душы.
Нябачныя танкі пройдуцца па тваёй душы.

Чырвоныя сланы, зялёныя сляды.
Грубыя жанчыны, нябачныя мужчыны.
Залатое неба, закратаваны Бог.
Дом без веры, у сценах без любві.

Нябачныя танкі пройдуцца па тваёй душы.
Нябачныя танкі пройдуцца па тваёй душы.

Рукі ў Кітай, ногі ўгару.
Гэта няпраўда, што я не магу.
На паперы нуль, у будучыні – кароль.
Хтосьці дапаможа стаць табе падобным.

Крокі ад сябе, крокі ў нябыт.
Гэта няпраўда ды лябірынт.
Хто ты такі і куды ідзеш?
Дзе твой дом і што ты нясеш?

Нябачныя танкі пройдуцца па тваёй душы.
Нябачныя танкі пройдуцца па тваёй душы.

Мама

Я вады не піла, таму і кволая я.
Я іду адвідна, таму стамілася я.
Мама, дзе ты? Дай напіцца вады.
Мама.

Уперад звалі дарогі ды калолі мне ногі.
Калыхалі нябёсы ды гладзілі косы.
Мама, сагрэй полымем вачэй,
Мама.

Давялося стаяць там, дзе гоман і рух.
Давялося ўцякаць ад усёвідушчых рук.
Мама, пасцялі маёй душы,
Разгубленай душы.

Пакахала я званых ды прагнала абраных.
Пыл цяплом атуляла, ды ўсмешка знікала.
Мама, кулі не раняць.
Мама, словы страляюць.

Пакахай мяне

Пакахай мяне той, з кім я – рака.
На беразе тваім вырасце высокая трава.
Пакахай мяне той, хто адчувае больш –
Любоў да людзей і любоў да самога сябе.

Пакахай мяне. Пакахай мяне.
Пакахай мяне.

Пакахай мяне той, што сніцца мне
У белым тумане, у мяккім сне.
Пакахай той, хто будзе жыць,
Як вечны далягляд у маім акне.

Пакахай мяне. Пакахай мяне.
Пакахай мяне.

Пакахай мяне той, што пазнае мяне
У брудным асфальце, у мокрай траве.
Пакахай той, што затуліць мяне
Ад вар'яцкага натоўпу на пустой вайне.

Пакахай мяне. Пакахай мяне.
Пакахай мяне.

Пакахай мяне той, з кім я – твая.
Па сэрцы разальецца вольная раса.
Пакахай, нягледзячы на слепату.
Я ведаю, што ногі ў мяне брудныя ад пяску.

Трымай мяне

Мой тата кажа:
"Праўда ў кожнага свая".
Мая маці кажа: "Любі людзей".
Мая сястра кажа:
"Я не ведаю, куды пайсці".
Мая бабуля кажа:
"Галоўнае, каб не было вайны".

Трымай мяне на коўзкіх прыступках,
Трымай мяне, няісны хлопчык.
Трымай мяне на халодных пралётах,
Трымай мяне, цвёрды голас.

У кожнага свая
У галаве вайна.
І кожны сам замінае сабе.
А я ўяўлю,

Што я заўтра памру,
І зраблю тое,
Што хацела зрабіць учора.

Баль

Не забівай маё "Я", вельмі прашу цябе,
Грэшны кат.
Па цёмных калідорах зашмат
Галодных пацукоў.
Я нешта хацела сказаць
Пра сонца і святло.
Я нешта хацела.
Успомніліся боты ды
Захарканы крывёю снег.

Баль у час, калі
Забіваюць герояў.
Баль у час, калі
Косткі ныюць ад болю.
Баль у час, калі
Рукі не знаходзяць апоры.
Баль у час, калі
Сляпыя вочы слязяцца.
Сляпыя вочы слязяцца.

О, ружовае дрэва,
Забудзься на сваё жоўтае сонца.
Кітайская лялька,
Ты так падобна на наша стагоддзе.
Апошняе слова
Застанецца за паэтам.
Жыццё – гэта кола,
І нехта хоча парушыць
Законы сусвету.

Мы – Вецер

Слова ў гэтай цішыні
Можа забіць.
Слова ў гэткай цішыні
Можа забіць.
Але мне не страшна,
Бо чую я твае крокі.
Але мне не страшна,
Бо думкі не паміраюць.
Але мне не страшна
Нават сказаць табе,
Што мы – Вечнасць.

А па лесвіцы ў вечнасць
Ходзіць маўклівы каваль.
А па лесвіцы ў вечнасць
Ходзіць сейбіт.
І яго зерне –
Гэта шлях у бязмежнасць.
І мне здаецца,
Што мы знайшлі дарогу.
І мне не страшна нават сказаць табе,
Што мы – Вецер.

Ну, а ветру немагчыма
Падрэзаць крылы.
Вецер толькі баіцца
Бетонных сценаў.
Ты суцеш мяне і скажы,
Што там, за мурам.
Ты суцеш мяне і разбі
Гадзіннік.
І калі не страшна табе,
Скажы мне, хто мы.
Мы – Вечнасць, Мы – Вецер.

Адзінота ў лістападзе

Зноў...
Адзінота ў лістападзе.
Зноў...
Быццам цень, выходжу з дому.
Сноў
Каляровых, летніх, светлых акварэль
Час спаліць у асенняй праўдзе.

Дзень,
Бы стары, пануры, хворы,
Паміраў.
Надыходзіла маўклівая імгла.
У соты раз на біс мне вецер нагадаў
На тое, што

П: Адзінота ў лістападзе
   Завітала ў мой дом.
   І адзінота ў лістападзе
   Завітала ў мой дом.

Я...
Я рыхтую свой апошні крок
У нуль;
І не веру, што знаёмы гэты боль
Тым, чые вочы, нібы лужы,
Тым, чые душы, нібы смецце...
О, ім смешна ў лістападзе...

АФАНАСИЙ БОТЯНОВСКИЙ

Родился 19 августа 1985 года в Минске. В 1992 году пошел в СШ № 25, в 1993 – в музыкальную школу № 2 на отделение скрипки. В 2003 году поступил в Республиканский музыкальный колледж при БелАМ, который окончил в 2006 году, получив квалификацию "артист оркестра, ансамбля". В 2006 году поступил в БГПУ им. М. Танка, который окончил в 2009 году, получив квалификацию "преподаватель музыки". Весной 2009 года издал поэтический сборник "Серебряный голубь", в октябре 2010 года – сборник стихотворений и поэм "Бездна над головой".

Поэты

патетическое

Конечно, мы могли давно бы
На свет, на душу наплевать,
Продаться миру и до гроба
Толпе проклятой подпевать.

Но мы предать не можем Бога
И не хотим предать себя!
Идем с младенчества не в ногу:
У нас другая колея.

Мы кровью кашляем, а груди
Томятся, ходят ходуном.
Нас сторонятся злые люди –
Мы сумасшедшими слывем.

За все баллады и сонеты
Своей мы платим головой.
Не ценит Бог иной монеты –
Мы платим кровью и судьбой.

Не верите? Мы в бездну прыгнем,
Чтоб не смеялись над душой!
Вам не понять, зачем мы гибнем
И согреваемся строкой.

Вам, гордецам, слепым от злобы,
Вам никогда нас не понять!
Наверно, только лишь за гробом
Научитесь ценить, прощать.

Да, вызываем мы улыбки,
И не живем мы без вина,
Но промахи и все ошибки
Окупит творчество сполна!

Молчим в толпе мы, сердцем зная:
Живем, по лезвию скользя.
Да, мы творим и умираем,
Но по-другому нам нельзя!

Племена

Вино и карты, уйма грязных шуток,
Брошюры, просвещенья семена…
Солдат, воров, аббатов, проституток
Наивные встречали племена.

Дарили им цветы, свои молитвы.
Поблескивая белыми зубами,
Стояли в листьях, острых, словно бритвы,
На камне твердом голыми ногами.

У берега белел корабль чудесный.
Запрыгнула на палубу коза.

И дикари кричали свои песни –
Блестели, словно бусины, глаза.

Они своей не предали отчизны.
Под градом пуль те дикари упали…
И больше ничего не понимали,
Лишившись сразу родины и жизни.

Пустыня

Уставший вечер полз, как скорпион,
Во рту измученной Земли сухой,
Шел караван, и был затерян он
Средь сладких миражей, покрытых мглой.

Он затерялся среди знойных дней,
И вдруг явилась девушка-виденье,
И улыбнулись люди, как во сне,
И ощутили в головах круженье.

Снять помогая пыльные мешки,
Всех в губы целовала горячо.
Ковры стелила всюду, тюфяки,
Освобождала потное плечо.

Под томной сенью фиников и слив
Взметнула страстный вихрь, потом остыла…
Так путников измучив, истомив,
Засыпала песком своим Пустыня.

Потомки Ноя

Много на коже ожогов и пятен!
Пятна на Солнце – не лучше, не хуже!

Светлым глазам вашим стих не приятен?
Стих над пустынею вороном кружит!

Стон пред суровостью, смех перед плахой –
Разве мы этому только учили?
Мы обнажаться решили без страха:
Хамы нас, пьяных, крестом не укрыли!

Вот потому и дуреем от зноя!
Вот потому и теряем мы веру!
И повторяем мы слабости Ноя,
Жадно глотаем и копоть, и серу.

Вот потому-то (и мы точно знаем)
Родиной светлою мгла наречется!
В небо кричим мы и стих свой кидаем…
Может быть, кто-нибудь там отзовется?!

Рассуждение об обидах и судьбе

На человека нет обиды!
Обиды только на судьбу.
Что человек? Когда увидит
Мой лютый враг меня в гробу,

Меня, сурового, худого...
Он свой потупит скорбный взгляд,
Возьмет назад дурное слово…
Ну, а судьба? Она – навряд.

Да, человек – всего лишь пешка.
Судьба – властительный игрок:
Она устраивает слежку,
Любой фиксирует порок,

Использует твои же страсти,
Сомненья, страхи… О, судьба!
Есть в людях иногда участье,
Но ты сама, сама раба!

Да, может быть, ты пешка тоже
В руках своих страстей. Изволь:
Валяешься у ног прохожих…
Да, пешка ты… Но кто король?

Тоска по высокому слогу

Я – поэт, тоскую по участью.
Что могу я людям доказать?
С детство мне одно знакомо счастье:
Мыслям благородство придавать.

Век срамной, глухонемой и грязный
В луже, как Иванушка, притих…
Где же ты, красивый и отважный
Победитель – благородный стих?

Сколько нас, поэтов-одиночек,
Доходяг среди “больших людей”!
Мир – как текст без запятых и точек,
Где ошибок больше, чем идей!

Жизнь перебивает мыслям ноги,
И высокий замерзает слог.
Но пора придет, и вспомнят Бога,
Подведут столетиям итог.

Позабудут дерзкую личину,
Робкие откликнутся на зов…

Жажда по теплу тому причина,
Голод по стране высоких слов.

Сочиненье жизни

Как пишем жизни сочиненье?
Его мы начали давно.
Терзает иногда сомненье:
А вдруг с ошибками оно?
Тетрадку человек листает,
Всё что-то шепчет, исправляет…
Пылает лампа. Капли с крыш.
Скрипит кровать, и бродит мышь…
Угрюмо или с вдохновеньем
Уж сколько месяцев и дней
Рукою водим мы своей,
Которая дрожит в волненье:
Никто не знает, листик тот
Когда Судьба перечеркнет...

Грешница

Мир современный отдается воле,
Я слышу черным утром четкий стук:
Стучит красотка, не покажет боли,
Когда сломается ее каблук!

Она нечасто отдается страсти
После метро и прочих мелких мук,
Лишь Города покорна она власти!
Мир Города, как напряженный звук…

Она отдастся после страшной сечи!
В душе воюет Смерть и Жизни стих.

Она отдастся в самый темный вечер,
Что всех хоронит: мертвых и живых!

Мир Церкви – это всё же берег дальний,
Челнок людей бежит по морю Зла,
И нищий на толпу взглянул печально,
А грешница копейку подала…

Всё дальше вниз, во тьму метро шагала
Помятая земная Красота…
Но грешница ведь так и не узнала,
Что мельком она видела Христа!

Рай

Самый чистый голос – у немого.
Самый взгляд глубокий – у слепых.
Что точней несказанного слова?
Что сильнее музыки глухих?

Верю в справедливость, в рай загробный,
В мир уютный, теплый, золотой.
Там “зажатый” будет петь свободно,
Там услышит музыку глухой.

И не будет “избранный” смеяться,
Друга-дилетанта укорять,
Хромоножку пригласят на танцы,
А немые смогут всё сказать.

Кочующее поколение

Мы не верим ни в черта, ни в Бога.
Не боимся совсем ничего.

Как цыгане, мы любим дорогу.
Нам по двадцать, по тридцать всего.

За свободу опять голосуем.
Слава Богу, что выбор нам дан!
По планете зеленой кочуем,
Много видим различных мы стран.

Подрабатываем в ресторанах,
Мегаполисов слушаем гул.
И купаемся мы в океанах,
Не боимся ни волн, ни акул.

Не смиряемся больше со скукой.
Ищем лучшую долю мы вне
Государств. Расправляем мы руки,
Самолет наш летит в вышине.

И под ним так мелькают столицы,
Чувства, волосы дыбом встают.
За свободные неба границы
Вам, политикам, шлем мы салют!

Вам спасибо за то, что возможно
Нам бродягами быть на Земле!
Вам спасибо за то, что так сложно
Выживать в нашей странной стране…

Кот

На крыльце сибирский кот
Греет лапы и живот.
У кота блестят усы:
В лапках – хвостик колбасы.

Кот пушистый (звать Борис)
Не охотится на крыс,
И не ловит он мышей:
Всех котов Борис умней!

Смотрят ласково глаза:
Рыбка есть и колбаса.
В блюдце стынет молоко.
Все заботы – далеко.

Светит солнце на кота,
Светит солнце для кота!
Люди для кота живут
И поесть ему дают.

А покушал – спать пора.
И кемарит он с утра…
Безмятежно кот живет
И гордится
Тем,
Что кот!

ИНГА ВИНАРСКАЯ

Родилась 7 октября 1971 года в Бресте. Окончила филологический факультет Брестского государственного университета по специальности “преподаватель русского языка и литературы и белорусского языка и литературы” в 1994 году. Поэтесса, переводчица, прозаик, публицист. Пишет на русском и белорусском языках. Переводит стихи и прозу с белорусского, польского, французского языков. Стихи и переводы И. Винарской печатались в “ЛіМе”, “Нёмане” (Минск) и в других журналах и газетах, переводы – в журналах “Дружба народов”, “Наш современник” (Москва). Автор пяти книг поэзии: “Вариации на тему любви” (1996), “Превращение в лирику” (1998), “Цвета́ пламени” (1999), “Через огонь” (2000), “Ночные поезда” (2011). Автор серии книг о предприятиях Беларуси. Член Союза писателей с 2004 года. В настоящее время занимается собственными литературно-издательскими проектами. Живёт в Минске.

Ночные поезда

Ночные поезда уходят в дождь –
Бегут из неприкаянной столицы.
Тепло и счастье могут только сниться,
А жизнь – всего лишь оправданий ложь.

Ночные поезда уходят в сон,
И застилает мысли безмятежность,
И лёгкость, свежесть, и такая нежность,
Как будто снова в первый раз влюблён.

Ночные поезда уходят в явь,
Колёсный скрежет раздирает души,
Стремглав обет молчания нарушив.
– Прости. Нет-нет, забудь, прощай, оставь…

Ночные поезда уходят вдаль.
Сравним он с бесконечностью Вселенной,
Их бег в ночи, презрительно-нетленный…
Расстались двое. Как ни жаль. Как жаль!

Ночные поезда уходят…

* * *

В небесах моих бездна и вечность,
А в твоих – облака, облака…
Кто ты? Заданность ли? Бесконечность?
Мы пока лишь знакомы – пока…

Чем порадуешь? Новой весною,
Чтобы март через край иль апрель?
Только вряд ли. Я стала другою –
Знаешь, я ненавижу капель!

Я уйду, даже дверью не хлопнув, –
Будешь имя моё повторять
И, в сердцах на судьбу свою топнув,
Побредёшь серых уток стрелять.

* * *

И какая-то тихая радость,
И какая-то тихая грусть…
Жизнь, всегда ты – то горечь, то сладость…
Сколько, Боже мой, сколько же чувств!

Как страдала и как я боролась,
Истекая кровью порой,

Знают мой поседевший голос
И рыдающих мыслей рой.

Лица, «лики», бездушные маски –
Вереницей летящий ряд.
Я смотрела в глаза без опаски,
Только многие прятали взгляд.

Что ж? Так было. Должно быть, так будет
На просторах земной пустоты:
Люди – это всего только люди,
Строки – это всего лишь мечты…

* * *

Я мчусь в закат и опоздать пытаюсь
К концу, что неизбежен и жесток.
Я каюсь, я грешу и снова каюсь,
Продлить отпущенный пытаясь срок.

Вновь жажду и побед, и поражений,
Огня, страстей, ошибок – может быть.
Во мне живет военный дух сражений,
И я не стану по теченью плыть!

Нет, я не стану прятаться и плакать
От страха, боли, от былых обид…
Вновь прочь спешу. И мчусь в лучи заката,
За что, надеюсь, Бог меня простит.

* * *

И всё труднее забываться,
И всё труднее забывать…

Как строчка старого романса,
Грустна рябиновая прядь…

Кларнеты, флейты и гобои –
Веков седеющая новь.
Боль, листопад, и нет покоя,
И снова в жилах стынет кровь.

И снова день, как ночь, но всё же
Еще жива надежды нить…
Пока любовь и жизнь так схожи,
Мне снова хочется любить!

* * *

Когда-нибудь с тобой мы вспомним о весне
С оттенком легкой горечи, быть может.
В круженье лет, в водовороте дней
Не стали мы с тобой, увы, моложе.

Нам осень подарила нити серебра,
Вплетенные, как боль, в волос зеркалье.
К нам бесконечно будучи добра,
Дождем украсила гнетущие печали.

Нас одурманит белой мягкостью туман,
Ложащийся на плечи легче тени.
Исчез надежд отчаянных обман,
Как лучик солнца в этом дне осеннем.

Когда-нибудь с тобой мы вспомним (или нет?)
О теплом ветре и дыханье свежем,
О фейерверке чувств зелёных лет,
Прошедшем и теперь, увы, умершем…

* * *

Мне всё кажется: завтра вернётся
Это время, подобное сну,
Когда сердце, согретое солнцем,
Ощутит вдруг любовь и весну.

И подмечу я взглядом усталым
Нежных, маленьких почечек рост,
И тоска вслед за снегом расталым
Вместе с болью исчезнет всерьёз.

Только где же набраться мне силы,
Чтобы снова счастливою стать,
Позабыть свой домишко унылый
И летать, в синем небе летать?

Ощущения

1.
Тяжелый перестук колёс.
Фонарный луч лизнул, как пёс,
В ночи глухой мое лицо.
И страхов сузилось кольцо.

Исчезло время, а потом
Я вдруг забылась странным сном.
Лишь было не до сна тоске
В одной наброcанной строке.

2.
Летний день на исходе…
В ожидании ночи
Штору я опустила
С уползавшим лучом…

Стало тихо, но кто-то
Всё безумно хохочет,
И слеза прокатилась,
Будто было о чём…

* * *

Предветрие дождя –
Предчувствие победы.
Земная канет гладь
В струящийся поток.

И тополиный пух –
Он пухом будто не был:
В сверкающей грязи
Распят, размыт, размок.

* * *

Золотое безумие рвущихся в синь тополей,
И рябины пылающей жаркая гроздь на ладони,
И шуршащее чудо листвы, что лежит вдоль аллей,
Радость солнца последнего – осень за летом в погоне.

Но недолог он, этому “лету” отпущенный срок,
Ведь задуют ветра: не сегодня, так завтра – бесспорно.
Это всё-таки осень. До гибели только часок:
Золотистая дива так быстро становится чёрной…

* * *

Как красиво! Чудо! Тонкий иней
На рябинах, липах, тополях.

Да, пейзаж, как будто, снова зимний,
Но совсем нет снега на полях.

Ну, должно же разродиться небо
В день последний – ну, хотя б чуть-чуть,
И обсыпать землю мягким снегом,
Чтоб прикрыть ей стынущую грудь.

Чтобы было в сказке новогодней
Тихо так, светло, белым-бело,
Чтоб дышалось легче и свободней,
Чтоб во всём отчаянно везло!

Но словам моим, увы, не сбыться,
И появится (уже видна),
Воздавая за “прогноз” сторицей,
Вместо снега в чёлке седина…

* * *

Я сыграю тире в пунктире
В нарисованном кем-то мире,
Только дверь отворите шире…
Я сыграю: всё будет в срок.

Будут биться слова, как птицы,
И змеями у ног виться,
И шипеть, и кричать, злиться…
Я играю: всё будет впрок.

А когда вдруг сожмут роли
Горло мне, упаду в поле,
Дайте, черти, попить, что ли!
Доигралась – помилуй, Бог!

Наваждение

Осколки слов, обрывки фраз…
Зажжённый огонек погас:
Дымится спичка – неглупа!
Я с ней в руке десяток па
Пройду по комнате легко,
А мысли где-то далеко…
И мнится в золоте Версаль,
Таящий радужную даль…
В Екатерининский дворец
Меня позвали – наконец!
О платье – чудо красоты,
На туфлях маленьких – банты!
Камней сверканье в волосах,
Поклоны, взгляды, свечи – ах!
Блестит начищенный паркет –
И котильон, и менуэт…
Слегка кружится голова.
– Merci… Ma chère… – Дышу едва…
Французско-русский шепоток.
Чуть-чуть шампанского – глоток!
Подарки, сплетни, мишура,
За карточным столом игра –
И так от ночи до утра…

* * *

Развенчан кумир, свергнут он с пьедестала:
Стал гадким каким-то, ничтожным и бледным,
И я позабыла в восторге победном
О том, как любила и как призывала.

Восторг был недолгим. На смену из тени
Вдруг выползли жалость, тоска, состраданье,

Навек оставаться одной нежеланье…
И снова повергли меня на колени.

Кумир мой сиял предо мной нерушимо,
И всё было в нем, как всегда, несомненно:
Так лживо, так просто и так современно…
Добавить, вот разве, немножечко грима?

* * *

Я выхожу из дома
Так, как выходит на сцену
Актриса: с готовым текстом
В лёгкой улыбке губ.
Здравствуй, новый знакомый,
Пленник моей измены,
С мукою по соседству
Жить тебе: люб, не люб…

Ты никогда не узнаешь,
Кто я на самом деле,
И никогда не поймёшь ты
Вечной моей тоски.
Только покой потеряешь
И уж совсем на пределе
Станешь орать на звёзды:
– Как же вы далеки!

ИГОРЬ ГРИЦКОВ

Родился 7 сентября 1963 года в г/п Уваровичи Буда-Кошелевского района Гомельской области.

С 1981 по 1984 гг. служил в пограничных войсках КГБ СССР. С 1984 по 2008 гг. служил в органах внутренних дел Республики Беларусь.

С 1990 по 1992 гг. – курсант Минской средней специальной школы милиции МВД СССР им. М.Ф. Фрунзе. В 1997 году окончил Академию МВД Республики Беларусь.

С 2008 года на пенсии по выслуге лет.

Литературой увлекается с юности. В настоящее время пробует свои силы в прозе.

Мишка

Девятилетний мальчуган Грибков Мишка мчится «во весь опор» к своему лучшему другу Кекелеву Кольке. Они одногодки, живут на одной улице, дружат с раннего детства. Их родители общаются и дружат семьями, помогали друг другу раньше и теперь.

Забежав во двор Кекелевых, Мишка сразу объявил:

– А твой дед у нас помогает кабана колоть. Я ушел, чтобы не чуть, как кабан визжит.

– Как у вас, когда же он уже успел? – поинтересовалась Колина мама. – Ну, старый проходимец, с самого утра пошел промышлять. Не может без самогона. Опять напьется. Вот, чертяка, – продолжала она.

Мишка с другом занялись своими делами, а женщина продолжала еще долго бранить старика-непоседу. Детвора, наигравшись во дворе, поспешила на улицу. Там мальчуганов уже ожидали товарищи. И вот уже ватага из шести-семи пацанов колесит по деревенской улице. А дел у них полнó: кто-то из ребят видел ящериц на курганах, что за околицей, и вот они уже идут гонять и ловить ящериц; узнал Мишка от старшего брата, что у соседей поспели сладкие груши – надо наведаться и обколотить грушу; слышали дети от взрослых о том, что трактор застрял в речке и заглох, – надо срочно посмотреть, а самое главное – увидеть процесс, когда будут буксировать его из

реки; городские строители начали возводить новый мост через реку – и здесь есть интерес у Мишкиной компании.

Были и любимые занятия для Мишки: пристрастился он к рыбной ловле. Сначала с отцом ходил, чтобы понаблюдать за процессом, затем с братом Николаем – помочь удочки и рыбу поднести, а иногда подержать и поудить. А рыбалка сетями вообще приводила его в восторг. У Мишкиного отца была рыболовецкая снасть из деревянных прутьев и сети – “таптуха”. Подводит рыбак “таптуху” к водным зарослям и затаптывает ногами по воде, пугает рыбу. Затем поднимает снасти и выбрасывает из нее рыбу, а Мишка собирает ее по берегу в ведро. Золотистые караси, серебристая плотва, сверкающие красноперки, строгие и остроносые щуки, темные и слизкие, похожие на змей, вьюны – всё это улов. И вот отец в очередной раз подбрасывает пойманную рыбу, а Мишка бегает по берегу и собирает ее. Вот он согнулся и пытается поймать в свои руки большого вьюна. А рыба мокрая и скользкая, как змея уползает по траве и не дается в руки. Несколько раз он захватывал рыбу, но та настолько скользкая, что постоянно выскакивала из его рук. И только с пятой попытки удалось ее захватить и поместить в ведро.

С большим желанием Мишка собирал ягоды, грибы, орехи. Передвигался он по лесу быстро и бесшумно и находил их как будто по запаху. Любил Мишка своих питомцев-кроликов и ухаживал за ними усердно. С раннего утра он заготавливал им свежую траву, днем скармливал опавшие яблоки, бурачную ботву, очистки из-под картофеля, убирал и чистил клетки, менял воду в формочках. Всячески помогал родителям и старшему брату. Подходит очередь, чтобы пасти стадо коров – “радовка”, идет брат Николай ранним утром на пастбище, а чуть позже бежит к нему Мишка. В руках у него узелок с горячей картошкой, огурцы, хлеб и молоко. И хотя завтрак предназначен старшему брату, кушают братья вместе, лежа на сочной траве, и любуются, как пасутся коровы, телята, козы. Поможет Мишка стадо направить в нужную сторону, пройдется за стадом и домой бежит кроликов кормить. Вечером опять бежит к брату, помогает стадо сдерживать, когда коровы дом чувствуют, напирают, пытаются вырваться. Если хоть одна вырвется, то не удержать всё стадо, сплошным потоком попрёт в деревню.

Родители в поле или на луг – и Мишка с ними. Бежит и радуется: то ли ясному солнечному дню, то ли счастливому босоногому детству. Косить пока он не умеет, но сушить, ворочать, складывать в копны ему под силу. При уборке урожая Мишка первый помощник. Всё, что ему под силу, делает быстро, почти бегом. Откуда у него такой заряд бодрости?

После работы в поле бежит он к своему другу Кольке, и проказам их нет предела. Табак у Колькиного деда стащат и крутят самокрутки в туалете или на старой груше. Затем важно затягиваются и, кашляя, прищурив один глаз, как это делает старый Тимофей, похваливают самосеянный табак. Бывали случаи, найдут в дровнике дедову заначку пол-литра и бабке сдадут на лекарство, а та взамен самогона наполнит бутылку святой водой и назад велит положить. Без особой надобности сорванцы Мишка и Колька порой стащат кожаный ремень из Тимофеевых штанов, и носит их старик в руках, затем подвяжется тесьмой и проклинает малышей безо всякой злости, просто так – к слову говоря. А те продолжают куролесить в своем духе.

Вот они уже на приусадебном участке у Мишкиных родителей. Мишка похвастал, что у них самый вкусный мед, а в сотах он еще вкусней. Надев на головы матерчатые мешки и проделав в них отверстия для глаз, любители меда самостоятельно вскрывают ульи. Вот тут-то им и расправа за самовольное вторжение. Родители готовы их наказать, да любители сладкого уже наказаны сполна.

Лишь только прошли укусы пчел, спали отеки, озорники вновь готовят проказы. Тайно стащив у отца охотничьи патроны, Мишка бежит похвастать, и конечно, другу детства. А куда их применить? Тут как тут старик Тимофей: решил убрать во дворе и огород, где мусор. Сгреб всё в кучу и поджигает. Лишь только присел на скамейку покурить, как сорванцы забросили в огонь патроны. Фейерверк был еще тот. Самокрутка надолго повисла на нижней губе деда Тимофея, так как рот его открылся и долго не закрывался. “Что случилось? Что произошло? Откуда стрельба?” – повторял несчастный дед. На шум выскочили все из дома, сбежались соседи, а проказников и след простыл.

Скучно Мишке в пределах родного села. Собрал он как-то малышей своего возраста и объявил, что идут они в поход на железную дорогу: там есть, что посмотреть. Колька его тут же поддержал. Железная дорога проходит в пяти километрах от поселка. Слышно, как стучат

колеса по рельсам, и этот звук так завораживает, притягивает. Свел Мишка товарищей из поселка, любуются они проходящими товарняками, пассажирскими вагонами, большими черными цистернами. Все малыши остались довольны увиденным, а также собрали большую коллекцию фантиков, выброшенных пассажирами из окон вагонов.

Возвращаются ребята домой, обмениваясь мнением, а родители ищут их, думая уже самое плохое. К поискам пропавших детей подключились соседи, знакомые односельчане, взрослые парни и девчата. Обыскались по всему поселку, прочесывают берег реки, на болото послали старших ребят. К вечеру пропавшие вернулись голодные, но веселые, и совсем не уставшие. Этот поход им запомнится на всю жизнь, несмотря на то, что будут наказаны все во главе с организатором.

Не прошло и суток, а в его голове уже зреют новые планы. В центре поселка развернулось строительство нового моста через реку Уза. Там же добыл Мишка карбид и наладил новую забаву: стрелять с его применением. В земле дети делают небольшое углубление, куда закладывают карбид, сверху прикрывают консервной банкой с отверстием вверху и заливают внутрь воды. Начинается химическая реакция, и внутри банки накапливается газ. Дырка в банке прикрывается на несколько секунд, а через некоторое время открывается и к дырке подносится горящий факел или спичка. Банка со свистом взлетает в воздух, только успевай увернуться и убрать руку. Детвора в восторге, и все с гордостью смотрят на Мишку.

Однажды неосторожное обращение с карбидом привело к трагической гибели подростка. Ребята постарше возрастом забрали припрятанный Мишкой карбид. Смешивая карбид и воду в бутылке, они запечатали ее наглухо. Через определенное время газы должны были разорвать бутылку. Аниськов Петя был старшим братом в многодетной семье. Он и смастерил смертельную бомбу. Чуть больше задержал бутылку, наполненную смесью, в руках и намеревался бросить ее в реку, но тут она взорвалась в его руках. Кусок стекла попал ему в горло, парень потерял много крови. Товарищи, присутствовавшие при этом, разбежались по домам и никому не сообщили о случившемся. Так погиб молодой парень Аниськов Петя, его смерть потрясла весь район. Этот случай потряс и Мишку, и он ко многим вещам стал относиться серьезно.

Николай

Старшему сыну в семье Грибковых Николаю исполнилось 18 лет. Он главная опора и помощь родителям. Днем совместно со взрослыми односельчанами он в слесарных мастерских. Выполняет любую работу и трудится наравне со старшим поколением. После трудового дня приходит домой уставший, чумазый и счастливый. Наспех помывшись он быстро ужинает, а иногда перехватив что-нибудь съестное на ходу, он, как и вся молодежь, бежит на вечерки.

В выходные и праздничные дни хватает забот и работы на дому. Грибковы в полном составе семьи в поле, на лугу, на приусадебном участке. Время на отдых есть только в вечернее время и по большим праздникам.

А придет время "радовки", Николай с пяти утра уже в поле встречает коров и телят. В течение дня к нему на помощь подключается младший брат Мишка, который большой любитель "пострелять" из пуги. Этот пастуший инструмент он смастерил из березы и пасса. "Стрельнуть" Николаю удается с мастерством, а у Мишки получается плохо.

– Коль, а Коль, а что у меня не "стреляет"? – обидчиво спрашивает младший брат.

– Порезче надо рукой поддать, – объясняет Николай.

И, беря в свои руки пугу, он несколько раз демонстрирует стрельбу. Свист и лязг, перерастающие в хлесткий выстрел, разносятся по округе. Близко находящиеся коровы при этом пугаются и бросаются прочь в сторону. Поднимается и непонимающе оглядывается дворняжка Лада. Она помощница пастуха и понимает, что и когда надо делать. Но в этот момент ей совсем не понятно, что произошло, какая из коров провинилась и что надо делать?

Мишка вздыхает, пробует несколько раз подряд воспроизвести аналогичные выстрелы из пастушьей пуги, но...

В один из праздничных летних дней Николай шагает на рыбалку. Только он подошел к реке, смотрит – бежит к нему Мишка. Подходит неуверенно, спрашивает старшего брата:

– Можно я с тобой рыбачить буду?

Николай молча расправляет удочки, цепляет наживку и забрасывает в воду. Одну удочку он подает Мишке и приглашает присесть

в удобное место на берегу реки. У Мишки аж дух захватывает в груди, поднимается настроение, и он с любовью и гордостью посматривает то на воду, то на брата.

Домой возвращаются братья поздним вечером, в руках Николая удочки, у радостного Мишки улов. За день они проголодались и с горящими глазами смотрят, как мать подает из печи еду. Братья с аппетитом уплетают из теплой сковороды драники и жареное сало.

Была у Николая старая голосистая гармошка, еще дедовская. Не очень хорошо, но с любовью он пробовал иногда наигрывать на ней дома. А вот дружки его настоящие виртуозы по игре на гармони. Как растянут меха, как заиграют, заслушаются все домашние и соседи, и старый дед Тимофей, и даже маленький брат Мишка.

Была у Николая и "зазноба", девушка с соседней улицы. Всё нравилась ему в ней, но решиться сказать о своей любви не хватало духу. Так и ходил он, краснея при встречах с ней, тайно провожая после вечерок, боясь приблизиться и заговорить.

Частенько на пастбище, когда коровы отдыхают на водопое, напарник Николая дед Тимофей ведет односторонний разговор.

– Вось ажэнім цябе, тады я на тваім вяселлі папляшу, – шутливо подстегивает дед Тимофей Николая. – А дзяўчына ў цябе ёсць? Не рабей, хлопча.

Старик, вспоминая мельчайшие подробности, рассказывает о своем ухаживании за девушками в молодости, о сватовстве, о свадьбе.

– А хочаш я табе дзяўчыну сасватаю? – продолжает неугомонный старик. – Вось дзяўчына, у самым саку. Палінка – унучка Праскоўі Кудзеліхі. Толькі пярыну перанясём, і зажывеце, дай Бог!

Старик, размечтавшись, всё говорил и говорил, а Николай улыбчиво и молча слушал его.

Полина

Простая деревенская девушка расцветала на глазах у своих односельчан. Проживала и воспитывалась Полина в большой многодетной семье. Миловидная, ей всего лишь 17 лет, светло-русые длинные волосы, заплетенные в чудо-косу. Она с младшими братья-

ми и сестрами ухаживала за домашней скотиной, работала в огороде и по дому. Родители трудились на колхозных полях и на ферме. Их восьмидесятилетняя бабка сложа руки сидеть не хотела и всячески старалась помочь детям и внукам. И по дому, и в огороде она трудилась наравне со всеми.

Была у Полины своя тайна, которую она хранила, словно девичью честь. Нравился ей молодой парень по имени Николай, с соседней улицы, и не просто нравился, а что-то большее. Как объяснить это, она не знала, и не задавалась этой целью. Всегда при встречах краснела, опускала глаза, часто и громко стучало сердце. И ничего она не могла с собою поделать. Ни одна из подруг, даже самая близкая, не знала о ее девичьей тайне. Коротая время на вечерках, на “пятачке”, она даже подумать боялась о встрече или совместных танцах с Николаем. Танцы и пляски устраивали только девчата, парни смотрели, и лишь только самые отчаянные приглашали девчат на танец.

Скачет Полина под музыку, глазами то в сторону, то вниз, только ни на него, только бы не встретить его взгляд. Сердце стучит в ритм танца, затем чаще, может от энергии, может от волнения. Еще долго не может отдышаться она после танца, лишь румянец выдает ее волнение.

Домой возвращается Полина с подругами, которые живут поближе к “пятачку”. Девчата прощаются и расходятся. Она чувствует, что кто-то ее провожает сзади на расстоянии, и этот кто-то – Он. Она прибавляет шаг, уже почти бежит, и за ней, всё так же на расстоянии, идет Он. Полина последний раз оглядывается и вбегает к себе во двор. Сердце готово выскочить, она замирает и долго стоит, прислушиваясь и улыбаясь во тьме. Рядом за забором слышны одиночные шаги, вздох и еще раз разочарованный вздох, и вот шаги удалились. Полина чувствует, что это Он, эти шаги она бы узнала из сотен и тысяч других.

В один майских дней идет она с подругами за реку собирать ранний щавель. Пять девчат и маленький брат Полины дружно склоняются над своими платками, старательно выбирают из травы дикий щавель. При этом подружки бурно обсуждают деревенских ребят, вспоминают прошедшую вечеринку на “пятачке”. Лишь Полина помалкивает и только вспыхивают ее щеки, когда кто-либо заводит речь о Грибкове Николае. Девчата так разошлись в своих откровенных беседах, что не обращают внимания на рядом находящего малыша. И еще долго-долго слышны их веселые и звонкие голоса, затем дружный девичий смех.

В прохладную и сырую погоду собираются подружки на печи у Полины. Очень они облюбовали теплую и ласковую печь, где делятся своими девичьими тайнами. Прошедшей и прошлогодней зимой они собирались ежедневно и по несколько часов вели свои секретные разговоры. По дому разносится сладкий запах свежевыпеченного печенья. Бабушка Прасковья печет постные “ладочки” в печи и подает им на горячем противне. Расхватывают девчата горячее угощение и аж визжат. Приблизятся к печи младшие дети, заглядывают и просятся к старшим, на печь. Там весело и уютно. Старушка продолжает печь постное печенье и складывает его в полотняный мешок.

– Зачем столько много “ладочек”? – спрашивает одна из девиц.

Полина пожимает плечами, затем задумчиво отвечает:

– Бабушка их нищим и бедным раздает. В праздники возле церкви старцы бывают – вот она их и угощает.

Все замолкают, и лишь одну минутку стоит тишина, только шорох у печи, где возится бабушка.

И вот девчата опять тихонько загалдели, смеются, разговаривают, о чем-то спорят. Изба наполняется счастливым девичьим смехом.

Сашка

Двадцатидвухлетний деревенский парень по имени Сашка, по прозвищу “Челя” уже давно держал на примете понравившуюся ему Полину. Парень как парень: работящий, высокий, всё вроде бы при нем, да были у него врожденные изъяны. На правой руке два пальца – безымянный и средний – сросшиеся с рождения, а по ночам парень мочился. За это Сашка Чепиков не был взят на службу, за это обходили его молодые девчата, да и парни с ним долго не водились. Что-то было в нем отталкивающее, хотя и объяснить это не получалось. Работал он на разных работах и на разных должностях. Хорошо работал, но долго задерживаться нигде не мог. Сам объяснить это он не мог и не хотел. Переходил с одного места на другое, работал опреде-

ленный срок и резко уходил по собственному желанию. Разное о нем болтали односельчане, но особой жестокости и неприязни к нему не испытывали. Молодые к нему были равнодушны, а старые бабки и женщины добродушны и сердобольны.

Старшие Чепиковы работали на ферме, имели четырех детей, жили как и многие – бедствовали. Заводили коровку, меняли на другую, пробовали молодыми телочками обзавестись. Да не судьба – падеж, болезни, несчастный случай, неудачный отел. Одним словом, не велось у них хозяйство. Поговаривали бабки, что что-то “сделано” им бабкой Буянихой, слава о которой ходила по всему району и даже в других районной области. О разном поговаривали в деревне, да где правда, кто знает?

Вот и приходилось Чепиковым приворовывать с фермы и с колхозных полей. Кормиться надо, выживать, детей поднимать.

Еще в давние времена, когда детки были поменьше, темной осенней ночью Чепиков старший тащил мешок картошки из колхозного поля и повстречал кого-то из сельчан. Не раздумывая, бросился он в ближайший двор, пытаясь в темноте пробраться по двору на огород, да насела хозяйская дворовая собака, шум подняла, бросается. Беглец с мешком вломился в хлипкую вросшую в землю избу. От шума и лая собаки поднялась в испуге хозяйка – бабка Буяниха, и в крик. Навалился на нее здоровый молодец, руками рот зажал. Так и удерживал, пока всё не стихло в округе. Что было дальше, как уходил, загнанный в чужой дом вор, рассказывают по-разному. Только затаила что-то потерпевшая бабка на своего обидчика. Не здоровалась и обходила семью Чепиковых, обзывала их “злыднями”. Давно это было, но обида осталась.

Подросли детки, вырос Сашка по прозвищу “Челя”, жизнь продолжается.

Рыбалка

Жарким летним днем на небольшой речушке Уза царит оживление. Здесь полно детворы, есть и взрослые. Важно проплывают гуси, по берегам в ряске оживленно снуют утки. Солнце поднялось высоко и играет своими лучами в воде так, что даже в глазах рябит.

Вдоль реки с шумом бегут босоногие пацаны, тащат “таптуху”. Возглавляет босоногую команду Мишка, он и место выбирает, где рыбачить.

– Туда пойдем, за плотину, – кричит Мишка. – Там в прошлый раз большую щуку поймали, даже в ведро не влезла.

– Там и раки есть, – подпевают ему товарищи.

И гурьбой с оживлением они семенят вдоль реки за околицу деревни.

На окраине деревни реку преграждает плотина. Далее река становится ровнее, шире и спокойнее.

И вот уже детвора побросала на берег штаны и подштанники, некоторые совсем голяком входят в реку. У каждого своя роль и обязанность. Мишка опять за главного: ни одного слова и крика, всё показывает жестами и мимикой лица. Тащат они по самому дну реки снасти, медленно и тихо передвигаются по реке. Показывает Мишка, где заводить, когда загонщикам заходить в воду и когда поднимать сети.

– Есть, есть, – кричат в азарте юные рыбаки.

– А ну, тихо! – приказывает им Мишка.

И все затихают, продолжается процесс рыбной ловли. Вот опять двое спокойно и медленно тянут “таптуху” по дну реки. Загонщики ушли вперед по берегу и ждут своей минуты. Носильщики также на берегу и замерли, боясь сделать лишний шаг. И вот подводка к месту, загон, затаптывание и подъем. Рыба перекочевывает из сети в ведро. Среди рыбаков оживление. А Мишка уже дальше присматривает, где место получше, куда подводить. Он дает опять команду, и все становятся по своим местам.

Прошли рыбаки по реке метров триста, а в ведре плотва, караси, красноперки, щуки, пескари, авдотки. Вот это улов! Рыбаки в очередной раз поднимают сети. И там есть, чем поживиться.

– Раки, раки! – кричат от восторга дети.

В сети несколько раков, и они треплют хвостами и пятятся назад. Мишка аккуратно берет их за бока и отправляет в ведро. Все любуются уловом. Ведро полное.

– Еще раз затягиваем, и всё! – объявляет Мишка.

После рыбалки все дружно купаются и визжат в воде от восторга. Теперь можно порезвиться и покричать, попрыгать в воду с берега и покувыркаться в воде. Детская радость – вот оно счастье!

ВЯЧАСЛАЎ КОРБУТ

Нарадзіўся 2 ліпеня 1972 года ў Слуцку. Скончыў філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў 1994 годзе, юрыдычны факультэт Белдзяржуніверсітэта – у 2000 годзе. Паэт, празаік, публіцыст. Піша па-беларуску. Вершы друкаваліся у газетах “Чырвоная змена”, “Наша Ніва”, “Літаратура і мастацтва”, у часопісах “Маладосць”, “Вожык”, “Першацвет” і інш. Аўтар чатырох мастацкіх кніг: “Цар-алень” (1997 год: вершы), “Начны мастак” (2000 год: вершы і апавяданні), “Чаму ўсміхаецца сонца?” (2005 год: вершы і паэмы), “Байкі дзядзькі Лапатуна” (2010 год: сатырычная паэма, байкі, гумарыстычныя апавяданні). Член Саюза пісьменнікаў з 2000 года. Аўтар серыі кніг, прысвечаных прадпрыемствам Беларусі. У цяперашні час працуе на літаратурна-выдавецкай ніве. Кіраўнік літаратурнага аб’яднання “Экватар”. Жыве ў Мінску.

***

Я промень бачу на сцяне,
Магічны вязень слотнай ночы,
У ім дзень заўтрашні мільгне,
Да шчасця летняга ахвочы.
Калі спадзеўная зара
На плечы касмасу спадае,
Мяне гарачая пара
Не цешыць зорнымі гадамі.
І толькі спячы небасхіл
Мне нагадае пра зямное:
У ім так многа розных сіл,
І светаў розных гэтак многа.
Праходзіць промень праз мяне,
Начны пасланнік гукаў ночы,
Яго я бачу на сцяне –
Ужо ён да Зямлі дакрочыў.

***

І.В.

Я пакахаў яе, як дождж вясной сагрэты,
Шукаў я зноў жыцця на выселках зімы.
І мы сустрэліся на пуцявінах свету,
Спаліўшы лёд зімы, віною сталі мы.

Ды нам шаптаў мароз: мне вашае вяселле,
Бы бутля віскі, што я выцэдзіў з ільдом…
Вы што зрабілі, вунь лясы гудуць з пахмелля!..
І вось, бы катаржны, я свой губляю дом.

Я пакахаў яе: віной было каханне,
Што волю сэрца затачыла мне ў далонь,
І ўсё шаптала: я дарую вам яднанне,
На сто вякоў – усім другім вякам на зло.

Мне мала ста, і захацелася тры сотні,
Ды дастаткова і хвіліны, каб адчуць:
Без скандалісткі гэтай мілай свет засохне,
Не адрадзіцца таму свету больш нічуць.

Я пакахаў яе, бо немагчыма гэтак
Злавацца доўга на магічныя гады.
Яна ж падобная на сотні дзіўных кветак,
На промні сонца, што расквечваюць сады!

Роздум

Гады лічыць – мужчыне гэта не да твару,
Яны, бы птушкі, адлятаюць да нябёс,
Чым больш іх, тым хутчэй яны мужчыну старацы,
І ён з трывогаю свой азірае лёс.

Мякчэе сэрца, сілы губяцца ў дарозе,
Ісці б даўжэй, ды толькі крок ужо радзей,
А жыць так хочацца па часе і па модзе,
І выглядаць датуль прывабней, маладзей.

Ды што натхніць цябе, сучасны наш мужчына?
Мо тракт палітыка, альбо прагрэсу пік?
А можа быць, каханы твар тваёй жанчыны –
Гадоў спыніць ён зможа, мабыць, грозны рык?

Мацней плячук, цвярдзей рука твая – на дзіва,
Не ў бутлю з горкай жа залазіць з галавой,
А лёгкім птахам над зямлёй ляцець імкліва,
Чароўным джынам быць для любай, дарагой!

***

Не часта бываюць на людзях міністры,
Але не часцей нат, чым сёння паэты,
Іх песні, як танцы ваўкоў ля каністры
З бензінам, што вось загарыцца з імпэтам.

Міністры, міністры, якія абсягі,
Вы зможаце нам зберагчы для нашчадкаў?
Ці можа свабоды магічныя сцягі,
Альбо сілу духа з ваўчынаю звадкай?

Вакол вас трывога і страх за кар’еру,
Але не князі вы, а слугі ж улады,
Хаваюцца сумныя душы за дзверы,
Іх сіла хаваецца ў сейфах прынадных.

Ратуйце не сейфы – людзей ад бядоты,
Цяжэй не бывае за немач людскую,

Паэтаў пасля вас акружыць слядота,
Каб трэсці кішэнь вашу напрапалую.

Гімн маладых

Мы вучымся, жывем, сябе перамагаем,
Мы дзеці ўсе твае – Радзіма Беларусь,
Зямлі сваёй святло, надзея – і жадаем,
Каб моцнай ты была ад сілы нашых рук.
І каб ніхто ніяк, нідзе, і нават доляй
Цябе не адарваў ад сэрца нашых звек,
Бо ты радней за ўсё, другой не трэба болей,
Тут кожны з нас не цень, а цэльны чалавек.
Нябёсы і палі, крыніцы і дарогі,
І дзіўная зара над борам залатым,
Усё завём сваім, бясцэнным, любым, родным,
Клянёмся край любіць пад небам дарагім.
І мову зберагчы, і не даваць у крыўду,
Клянёмся ад дзядоў іх мужнасць пераняць,
Няхай ляноцця дым ад нас хутчэй адрыне,
Нас шмат чакае спраў, і крылы ўвысь імчаць.

Жыццё

Жыццё – яно настаўнік дужы і бывалы,
Жыццё – яно як спеў магутнага харалу,
Планета, што з’ядае хутка свой калач,
З цяпла і холаду, з удач яно, з няўдач.

Жыццё – медаль на планетарных шалях,
Ці з золата ён стаў, ці то медаль са сталі,
І промні яго бляску ткуцца зноўку лёсам –
Праз чалавецтва, што злуе ўвесь час нябёсы.

Сваім нахабствам хоча быць вышэй за Бога,
Рай збудаваць сабе за кошт людзей збяднелых,
Якіх і так зашмат, ды гэтая дарога
Вядзе ізноў у бездань, да магіл замшэлых.

Таму жыццё з людзьмі настаўнічае хватка:
Каго мілуе сваёй горкаю пілюляй,
Кагосьці грэбуе, камусьці стала таткай,
Прыкрыла ад нягод яно сваёй кашуляй.

Але ў жыцці вялікая ёсць сіла:
Яно ад смерці лепшых мкне зноў зберагчы,
Пакуль жа наша справядлівасць не астыла,
Жыццю, як саду, кожны май для нас цвісці.

Ты

Ты найяснейшай прыгажосцю
Увесь напоўніла наш свет,
Які і з пошасцю, і злосцю
Зноў пазіраў на твой імпэт.

І, даўяраючы сумленню,
Праз вольнасць дум і дзікасць мар
Даўно для ўсіх ты нас натхненне,
Што ўвысь імкне, таму цяжар.

Віной таму вачэй маланнасць,
І зменлівы такі настрой,
І ад учынкаў нечаканасць,
Нароўні з пылкаю душой.

Ты не даруеш самавольства,
Калі ўладарыш над зямлёй,

І панскаю сваёй рукой
Мілуеш рэдка, задавольства
Тады з вачэй імчыць тваіх –
Што можа быць мілей за іх?

***

Гарыць касцер ля берага,
Начная даль схавалася,
І месяц п'е за смелага
Ваду, што калыхалася.
А ночка зоркі падкія
Кладзе на плечы берага,
І рэчанька загадкамі
Шле хвалі свае сцерагам.
І ветрык ап'янелы той
Ад дыму лёг пракосамі,
Ад цішыні і сам не свой
Пад любымі нябёсамі.
Цалуе росы, радасны,
Шапоча тайны розныя,
З дзівацкімі прыкрасамі, –
Яму ж усе мы родныя!

***

Наш новы дзень, як новае святло.
Жыццё вірліва мкне да гарызонтаў,
Маё крыло кране тваё крыло,
І сэрцы зноў адчуюць пекнасць зораў.

Чыясьці прага стане лебядой,
Чужыя змерзнуць на арбітах мары
А нам з табой не знацца век з бядой,
Яе каметы – марныя ахвяры.

Ты не шкадуй, што лёс расплавіў трон,
Што нам дастаўся ад былых паэтаў,
Мы ведаем: жыцце не кліч варон,
А порах, што рассыпаны з імпэтам.

І мы падпалім гэты цуда-скарб,
Каб пасвятлелі вочы, ды ў народа.
Жыве свабода! А народ – не раб,
А волат, што мужнее з асалодай.

Ляснік

Ён спраўны лесу гаспадар,
Яго спрадвечны абаронца,
Удумлівы, нібыта цар,
І просты, быццам промні сонца.

Пранізлівы пагляд вачэй
А на руках сляды жывіцы,
І жыць з гадамі не лягчэй,
Ды сілы надаюць крыніцы.

Кварталы сходжаны даўно,
Дзе маладняк расце шчаслівы,
І там сцяжыны кабаноў,
Касуляў і ласёў імклівых.

Як лес натхняе чысціней,
Сваею сілай жыватворнай!
Рып сосен і бяроз спакой
Красою вабяць непаўторнай.

І сын расце на тых вятрах,
Што сэрца бацькі гартавалі,

І будзе лёс мецць свой працяг.
Шумяць, завуць лясныя хвалі!

Бібліятэкар

Добразычлівы чысты погляд,
Усмешка цёплая заўжды,
І кнігі тысячамі побач
Глядзяць з паліцаў праз гады.

Ён сэрцаў велічны аптэкар,
Высокі знаўца розных кніг,
Любімы наш бібліятэкар,
Вялікі сябар не на міг.

Ад рук яго мы веды маем
І магію прыгожых слоў.
Тут чавек сябе ўздымае
Вышэй да зор сівых часоў!

Сем вятроў

Сем вятроў, на маёй вы далоні,
Сем праныpыстых моцных сяброў,
Адзічэлых на стэпавых скронях,
Апантаных свабодай наноў.

Надакучыла сумна бадзяцца
Па сусветах ды па гарадах,
Нам бы разам узяць ды падняцца
На жыцця непракураны дах.

І падвіцца магутнай віхурай
У адзіным парыве такім,

Каб спужаліся сытыя скуры
За мільены багаццяў сваіх,

Каб цароў аж затрэсла ад жаху
І адчулі жабрацкі свой лёс,
Бездухоўнасці ж сеюцца гмахі,
І няроўнасць расце да бяроз.

Сем вятроў, іх нялёгкая доля,
Ім да скону сусвету імчаць,
Па бяскрайнім жыццёвым тым полі,
І спакой ім пасля адшукаць.

Супыніліся вось, на далоні,
Пасмірнелі, нібы галубкі,
Адкажыце мне, колькі ў загоне
Будзе жыць чалавек і які?

Мо мільены гадоў, адкажыце?
Ці мой дух дажыве да таго,
Як зямля адпачне, ды ў зеніце,
І апошняга веку свайго.

Прамаўчалі вятры баравыя:
Гэтай тайнай валодае Бог.
І шляхамі пабеглі, сівыя,
Над палітрай жыццевых дарог.

Балада пра князя Вітаўта

Ён замак пакіне на ранні,
І з войскамі рушыць у шлях,
Не дзеля прыгод ці прызнання,
Гартуючы меч у баях.

І Вітаўта веліч і сіла
Прымусяць схіліць галаву
Таго, хто дзяржаве нямілы,
Што здаўна Вялікай завуць.

Высокі і мужны князь Вітаўт,
З гары ён удалеч глядзіць,
Крыжакамі дзеці забіты,
Ім трэба за то адплаціць.

Спустошаны вёскі і нівы,
Крыжакі – бязлітасны род,
Яны да славян не пачцівы,
Для іх мы – плебейскі народ.

Вятры налятаюць пякуча,
Харугвы як хвалі дрыжаць,
У Вітаўта погляд рашучы,
І мужнасцю поўніцца раць.

Ён ведаў: дзяржаўныя справы,
Не любяць штодзённых разваг,
З рашучасцю, смеласцю спраўнай,
Ішоў да сваіх пераваг.

І сёння ён войскам кіруе,
Наперадзе князь і ваяр,
Зноў хутка пах бою адчуе,
І смерці загляне, ды ў твар.

А з ім ваяры-берасцейцы,
З мсціслаўскіх, смаленскіх краёў,
І з Полацку, і гарадзейцы,
І з Менску нямала мячоў.

Так будзе той бой з крыжыкамі,
Чакае Грунвальдскі прастор!
Дзве сілы сыдуцца нажамі,
Дзве праўды дарэжуць дакор.

– Нас будзе чакаць перамога,
Калі не адступім назад!
Прамовіў князь воінам строга,
Ен ведаў: загіне іх шмат…

І пройдуць стагоддзі, як цені,
І будзе зямля ажываць.
Ды не, наш народ на калені
Ніхто не прымусіць устаць!

І моц беларускай дзяржавы
У багне не згіне часоў,
Не згіне і Вітаўта слава,
Як слава і нышых дзядоў!

Родился 1 ноября 1953 года в Волковыске. Первый поэтический опыт сделал в 6 классе, первые шаги на сцене – в 7-м. В 1969 году поступил в Гродненское музыкально-педагогическое училище и сразу же пришёл в театр к замечательному режиссёру и педагогу Абраму Михайловичу Гильваргу. Это и послужило окончательным решением в выборе будущей профессии.

После окончания Гродненского музыкально-педагогического училища работал в родной школе учителем музыки и пения. Затем служил в армии, где были написаны первые опубликованные стихотворения. После службы – снова работа в школе. Но театр и творчество оказались сильнее чисто педагогической деятельности.

Режиссёр Заслуженного любительского коллектива РБ театра драмы и комедии “Славутич” Волковысского районного Дома культуры с 1985 года. Поэт, композитор, сценарист. Член Союза театральных деятелей Республики Беларусь. Автор поэтических сборников “Калейдоскоп жизни” и “Избранное”. Печатался в периодических изданиях. Вошёл в антологию “Современная русская поэзия Беларуси”, в сборник “Творчество работников культуры Гродненской области”. Автор гимна города Волковыска.

Характерной особенностью поэтического творчества является разнообразие жанровой палитры: лирика, эпиграммы, стихоризмы, пародии, баллады и песни… Но главное – огромная тяга к жанру акростиха.

Голоса вокруг нас

Голоса вокруг нас, голоса…
Отправляют витать в небеса
Легкокрылостью фраз…
Опасаюсь я лёгкости той,
Соблазняющей нас пустотой
Антрацитовых глаз.

В нарисованных тех голосах
Опрокинутые небеса,
Кривобокость земли…
Разобщённость в звучании слов,
Утончённость чугунных оков
Голоса унесли…

Неприметность паденья во тьму…
Архаичность страданий и мук…
Снова в сердце приму…

Нясвіжскі раманс

Заранка згасла ў азёрнай хвалі...
Лягла на Замак цень Радзівілаў...
Мая каханка мяне ўсё хваліць,
“Маэстра” – кліча, а лепш бы – “мілы”...

Цябе сустрэў я ў гадзіне нашай,
А ўсё здаецца – ў часы былыя.
Хто нас асудзіць? Хто нас накажа?
Хто свет кахання ад нас закрые?

Увайшла ты ў сэрца чароўнай нотай...
Твой голас чую: далёкі-блізкі.
Душу сціскае благой пяшчотай, –
Гучыць над светам раманс Нясвіжскі.

Чаму ж такое магло адбыцца?
У адну істоту спляліся двое...
Жыццёвай стала ты мне крыніцай.
Я тваё сэрца надзеяй ўзброіў.

Твая сцяжынка маю сустрэла, –
Пра ўсё забыцца дазвол дала нам.

Прабілі сэрцы Амура стрэлы
Нам, ад кахання чароўна-п’яным...

Дык хай нясецца імклівай нотай,
Цябе шукае далёка – блізка, –
Каханне будзіць благой пяшчотай
Узнёслы, вечны раманс Нясвіжскі.

Паралич души,
или
равнодушия страшнее в мире нет

Почему, скажите, милые сограждане,
Атрофировались чувства вдруг у нас?
Растворилось милосердие у каждого?
Алкалоид безразличья прёт из глаз!
Лень увидеть боль, услышать зов о помощи,
И в беде утешить, в горе поддержать?
Частокол бездушья – очень уж знакомый щит.

Доброты металл изъела злобы ржа!
Утром ранним просыпаясь, забываем мы
Шёпот ветра принимать, как Божий дар.
И к природе мы давно “неприкасаемы”,

И давно погашен пылких чувств пожар!
Лишь о помощи стенанья вы услышали,
Интуицию спешить в себе глуши…

Равнодушия страшнее в мире сыщешь ли?
А ещё страшнее – паралич души!
Вот лежит лицом в траву, без жизни признаков,
Не то – пьяный, не то – бомж, а не то – труп…
От него шарахаемся, как от призрака,
Даже если сердце колет по утру.

Утро вечера мудрее – в сказке писано, –
Шутка это иль серьёзно, кто поймёт?
Интерес людей сегодня слишком низменный, –
Я бы этот интерес прогнал в помёт.

Сердце плачет, как нас к жизни “анимировать”?
Трудно сделать это, но давно пора!
Равнодушием убить мы можем мира мать,
А бездействие, ведь, даже не игра.
Шанс остался небольшой – его используем,
Не боясь порывов чувств, эмоций бурь!
Ей же, Боже, я отдам себя для пользы ей,
Если вера победит безверья дурь!

Верьте, граждане, грядёт выздоровление!

Мелких чувств давно убрать нам надо брак!
И проснётся сострадание к потерянным,
Распахнём сердца и души для добра.
Есть одна средь истин, может приукрашена,

Но она жива в бессмертии планет:
Если гибель душ в пороке – это страшное, –
То страшнее равнодушья в мире нет!

Переоценка, как ревизия души

Переоценка, как ревизия души…
Её душУ, изматывая дУшу,
Рискуя заблудиться, как в глуши
Естественности выбраться на сушу.
Оценка мыслей, перестройка дум

Царит в мозгах в процессе этом нервном.
Едва ли в нём найдёшь свою звезду,

Надеясь быть на ней, к тому же, первым!
Как страшен сей процесс в больном бреду…
Абстрактен он и в зависти порыве…

К нему я в полном здравии бреду,
А не шатаясь на крутом обрыве.
Красиво выдал, саморевизор…

Ревизий рёв разносится повсюду.
Есть неизбежность в нём найти позор,
Величья в нём искать я и не буду!
Итак, ревизия своей души
Заставит кое в чём и усомниться,
Искоренить желанье жить в глуши,
Ядрёным словом спесь убрать на лицах,

Добавить больше жажды нужным быть,
Убрать из обихода жлобства сценки,
Шарахнуть по мозгам финтом судьбы…
И вот тогда придёт переоценка!

Работникам хорошего настроения
(акропесня)

Рискну ещё раз я вам спеть о нашей доле,
А это значит, вновь поморщатся в верхах…
Безоговорочно одно: я подневолен…
От недовольства их меня “бросает в страх”!
Теперь вот вспомнили о культ-просвет-работе!..
Неплохо б в тот “просвет” “культуры” запустить…
И сделать так, чтоб средь проблем насущных сотен
Кусочек “нежности” культуре подарить.
Ах, как нам хочется всем жить семьёй единой…
“**М**огучей кучкой” удивлять родной народ.
Хотенье это может растопить и льдину,

Оно ведёт нас за собой, зовёт вперёд!
Рискуем мы своим здоровьем на работе:
Отважно к людям мы идём и в дождь, и в зной.
Шутя, дрожим мы в холода и мокнем в поте –
Ей Богу, нам не позавидует и Ной!
Готовы мы забыть про боли и страданья,
Отринув личные проблемы и дела,

Несём мы людям настроение и знания,
Акционерный свой несём им, вроде, вклад!
Счастливей нет нас в целом мире, и…несчастней –
Таить чего проблему? – Мало платят нам!
Рискуют многие, уходят в бизнес частный,
Однако пропадает в душах их весна!
Едва ли выход подскажу я в этой песне –
Не стать орущим мне в пустыне иль в лесу!..
И всё же, пусть вокруг вас станет мир чудесней –
Я настроенье вам хорошее несу!

Театру “Христофор” от “Славутича”

Талантлив Волковыск наш “Христофором”!
Ей Богу, Женя, я не вру тебе!
А все твои актёры – соло, хором, –
Театру отдали свои семь бед!
Раскаявшись однажды пред серьёзным,
Умчались к далям “юмористско-звёздным”!

Христос Воскрес! А “Христофор” родился.
Решил раскрыть себя в “болотной мгле”,
Истерзанной “болотной коммумыслью”
Советско-белорусских славных лет.
Те годы вспоминаются, как песня!
О, как гремели вы по всей стране!!!
Функционеров тех и в мире нет:

Они давно расплавились в огне,
Расплавив заодно душок свой пресный.

От них, ведь, ждать нельзя какой-то “форы”
Таким актёрам, как из “Христофора”!

Согласны мы смотреть и днём, и ночью
Любимые усы, носы, глаза…
А как приятна на щеке слеза,
Возникшая от смеха, между прочим.
Улыбка чудодейственным повтором
Таранит косность старо-новых стен,
Изъеденных юмористичным хлором…
Честь Крыжановскому всегда, везде!
А мы навеки будем с “Христофором”!!!

Учёба в гимназии – трудное дело

Учёба в гимназии – трудное дело, –
Чудесным открытием сердце задела.
Ей сразу, с наскока, ты не овладеешь,
Боясь ей отдаться, скорей поседеешь.
А если отважно ты бросишься в волны

Великой реки, тайной знания полной…

Готовый, коль надо, воды наглотаться
И снова, и снова в реке той купаться,
Мечтать о грядущем, стремиться к победам,
Не думать о сытных домашних обедах,
А жадно вгрызаться в ученья булыжник,
Забыв о коньках, клюшке с шайбой и лыжах,
Искусство забросив, и творчество тоже…
И здесь скажем: “Стоп! А останется что же?!”

Тупая зубрёжка, крутой репетитор,
Родителей вопли: “Где вырвать кредиты?”
Уроки и тесты, и факультативы,
Добавь ещё думы о будущих “ксивах”…
Ну, что там ещё пропустил невзначай я,
Оставшись без завтрака, кофе и чая???
Ей Богу, вернуться б назад на полвека,

Другим бы, наверное, стал человеком…
Едва ли хочу оправдаться я этим:
Любите учёбу в гимназии, дети.
Она вам поможет быть нужным на свете!

***
Какой таланта главный признак?
Сегодня думал я полночи, –
И понял: цель его не призрак,
А знание, чего он хочет!

***
Сократ сказал: любой из нас, как солнце.
Лишь не мешайте нам светить в оконце!

***
Случайные открытья среди тьмы
Творят небезразличные умы!

***
Истина для не простых ушей
Мудростью китайскою полна:
В жизни даже тысяча мышей
Не заменит одного слона.

***
Эта истина точно поможет вам:
Клевета равнодушна к ничтожествам.

ЛЮДМИЛА МИХЕЙКИНА

Родилась 18 марта 1955 года в Минске. В 1981 году окончила Белорусский государственный институт народного хозяйства им. В.В. Куйбышева по специальности “планирование промышленности”, получив квалификацию “экономист”. С 1972 по 2010 годы работала на Минском моторном заводе. Занимала должности распреда в инструментальном цеху, инженера-нормировщика, инженера-технолога, экономиста, начальника бюро ценообразования, заместителя начальника планово-экономического отдела. С юности увлекается литературой, пишет стихи и прозу. Автор книг: “Дорогами любви” (2011 год: повести и рассказы), “Такая большая короткая жизнь” (2011 год: стихи).

Такая большая короткая жизнь

Такая большая короткая жизнь,
Мелькают, как отблески, наши пути.
Такая большая короткая жизнь,
Надеюсь, что много еще впереди.

Надеюсь, что много тебе расскажу,
Что утром узнала и видела днем.
И больше не радуюсь я миражу,
А то, что ушло, уже кажется сном.

Надеюсь, что сердце узнаю твое,
Влетит в него птицей счастливой любовь.
Надеюсь, поймешь ты молчанье мое,
Значение всех недосказанных слов.

Надеюсь твой шаг удержать налету
И мыслью взлететь на твою высоту.
Надеюсь, что ты мне поможешь желать
Грань лучшую жизни с тобою узнать.

Маме

Когда майские зори проснулись,
Стерлась грань холодов и тепла,
Жизнь вдохнув, к свету ты потянулась,
Уже с детства горда и смела.

Красотой небеса удивляла.
Глубина их сияла в глазах.
И невольно сердца покоряла,
Оставляя себя лишь в мечтах.

И был нрав, как у вольной царицы,
Шла по жизни, не ведая грез.
Ты кружила, как сильная птица
В вихре жизни, не ведая слез.

О любви говорить не любила,
Проносила ее сквозь года.
Не жалела, себя не щадила
И жила в своем царстве труда.

Не могла с ритма быстрого сбиться
И слезу проронить не могла.
Не могла, уставая, спуститься
С высоты, что себе задала.

В жизни шла по тернистой дороге.
Когда смотришь на пройденный путь,
Тебе кажется слишком он долгим,
Даже хочется где-то свернуть.

Но души необъятная сила
Возрождается снова и вновь.
Детям щедрой душою дарила
Мудрость жизни и сердца любовь.

Зимняя любовь

Мы повстречались в парке зимнем.
Летела встреча, словно ветер,
Как сила магии старинной
Кружила вихрем в этот вечер.

Деревья инеем светились
В волшебном танце кружевном,
Как отражение святилищ
В пространстве тихом неземном.

Твой смех, улыбки притяженье,
Твои слова – всё, как во сне.
И, словно душ соединенье,
В лучом пронзенном сером дне…

Летит всё вновь в моем сознанье:
И легкость дней, и вечеров,
И выразительность молчанья,
И неопределенность слов.

Глаза любимых

Глаза любимых, словно звезды,
С надеждой смотрят в наши души
И верят в час признанья поздний –
Святую веру не нарушим.

Томимся мы теплом их нежным,
Защищены мы этой верой,
Когда простор любви безбрежный
Приятно нам ласкает нервы.

Но столько в жизни испытаний,
Мы новых впечатлений жаждем.

Нам хочется в своем сознанье
Достичь вершин каких-то важных.

Но смотрим мы в глаза любимых
И звездный свет их не теряем,
И выше нет вершин хранимых –
Тех, что любовью называем.

Прощай

Я сердцем с тобою простилась,
Опять повторяю: “Прощай”.
Судьбы не надеясь на милость,
Ты больше меня не встречай.

Не жди ты меня ранним утром
И вечером поздним не жди,
Любила тем вечером хмурым,
Когда навсегда уходил.

Горька была наша разлука,
Прощальный твой холоден взгляд.
Мои позабыли уж руки
Калитку в наш солнечный сад.

Я встречи с тобой ожидала,
Пришел же не ты, а другой.
Ушел навсегда ты – я знала,
Развеяв всю боль не с тобой.

С чистого листа

Очередной судьбы виток,
И снова ввысь я улетаю.

Бежит по венам моим ток,
Их новой силой наполняя.

Вчерашних дней, вчерашних строк
Переверну опять страницы.
Уносит прошлого поток
Чужие дни, чужие лица.

И, словно с чистого листа,
Я новый день свой начинаю,
И суеверно красота
И высота его пугают.

И словно свежая струя
Бежит ко мне в его потоке.
А небо, глядя на меня,
Опять подсказывает строки.

И очень хочется мне жить,
Подарки жизни принимая.
И очень хочется дарить
Всё то, о чем еще узнаю.

Жене декабриста

Вновь накрывает слез волна,
Лицом касаешься подушки,
Любви и нежности полна
В холодном мире равнодушья.

Явилась миру ты с небес,
Словно диковинная птица,
Но ждал вдали Сибирский лес,
Суровой жизнью звал забыться.

В мороз ты шла сквозь тыщи верст,
Чтоб мужа целовать оковы,
Которые сквозь мглу пронес –
За светлый мир, другой и новый.

Ты не смотри на этот мир,
Живи, где счастье не остыло,
В стране теней, где твой кумир,
Его мечты, любовь и сила.

Об отце

Серый памятник, много их в ряд.
С фотографии смотрит солдат,
И он словно со мной говорит –
Сквозь года и холодный гранит.

А солдат тот моим был отцом,
Юным смерти взглянул он в лицо.
Лишь шестнадцать ему было лет,
Когда взрывы прервали сонет.

Сила духа и юность звала
Защитить дом родной и мечту.
Взрывов гром и кровавая мгла
Не сломили души чистоту.

Жизнь со смертью венчала война,
В дар солдату вручив ордена.
Смерть в войну лишь коснулась слегка,
Взглядом жестким сверкнув свысока.

Огневое разжалось кольцо,
Вздох последний бросая в лицо.
Смерть злопамятной всё же была –
Уже после войны догнала.

Серый памятник, много их в ряд.
С фотографии смотрит солдат.
И он словно со мной говорит –
Сквозь года и холодный гранит.

Три цвета осени

Три цвета осени сплетались в пышной кроне –
В последних тихих солнечных лучах:
Оранжевый лист, желтый и зеленый,
Соцветьем ярким небосвод объяв.

Три цвета осени стремились к новой жизни:
Зеленый юным цветом трепетал,
Оранжевый огнем стремился в выси,
А желтый в вихре страстном лето звал.

Сплелись три ярких радужных соцветья
В прекрасную забытую мечту.
Сорвал их вскоре с веток смелый ветер,
И дождь омыл деревьев наготу.

И вот коснулся иней шелком веток,
Мороз обнял, снега метнула высь.
Но, погодя, очнется мир бесцветный:
Придет весна, подарит снова жизнь.

Дымок воспоминаний

Повеял холодок осенний,
И тает летнее тепло.
Ушли от сильных потрясений,
Все страсти снегом замело.

Ушли мы от слепых страданий –
Нас увела судьбы рука.
И лишь дымок воспоминаний
Туманит голову слегка.

Ты с нею бесшабашно счастлив –
Тебя я, как никто, пойму.
И я живу в любви, в согласье,
Близки что сердцу моему.

А наш костер остыл, угаснув,
И нет уж от него следа.
И лишь дымок от дней тех страстных
Туманит голову слегка.

Нам нет уже в тот мир дороги,
Ветра стихий мы не вернем,
Исчезли страсти и тревоги –
По-своему сейчас живем.

И ты пройдешь своей дорогой,
Я тоже выбрала свой путь.
И, оглянувшись вновь с порога,
С него нам больше не свернуть.

ВИКТОР ПАВЛОВ

Родился 16 июля 1949 года на Смоленщине (РФ). После окончания в 1972 году высшего военно-политического училища проходил службу на различных должностях по работе с личным составом. Вышел в отставку в звании подполковника. С 2009 года – председатель общественного объединения ветеранов войны и военного строительства. Награжден несколькими медалями. Один из авторов книги “Для обороны, победы и созидания”, посвященной военным строителям Беларуси. Автор многочисленных статей и публикаций о людях военных строек. В 2007 году удостоен Благодарности Митрополита Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси за усердные труды во славу Святой Церкви и на благо Отечества.

Создатели Байконура

12 апреля 2011 года исполнилось 50 лет со дня первого полета человека в космос. В истории СССР космодром Байконур занимает особое место. Во времена российской империи это было глухое и безвестное место. В 1848 году газета “Московские новости” напечатали интересное сообщение властей: “Мещанина Никифора Никитина за крамольные речи о полете на Луну сослать на поселение в Байконур”. Со временем казахстанский поселок Байконур стал первым в истории человечества космодромом. В числе первых, кто сооружал Байконур, были военные строители, в частности 130-е Управление инженерных работ Главного управления специального строительства Министерства обороны СССР. В 2001 году Министерством обороны России была издана книга “Создатели Байконура”, посвященная 50-летию со дня образования прославленной организации.

Военные строители управления забили 12 января 1955 года первый строительный колышек в излучине реки Сыр-Дарья, близ станции Тюра-Там. Первым десантом изыскателей-строителей был взвод лейтенанта Денежкина. Проектирование осуществлял Центральный

институт проектирования специального строительства МО и главный инженер проекта А.А. Ниточкин. В апреле на место прибыли первые военно-строительные части подполковника Заворотняка, полковника С.М. Лисагора, автомобилисты подполковника М.С. Медиевского, а также строительные батальоны из песков Каракумов и центральных районов Российской Федерации. В дальнейшем наращивание сил строителей стремительно продолжалось. С 1955 по 1965 годы 130-е Управление инженерных работ и строительство на Байконуре возглавлял полковник Шубников Георгий Максимович, в последствии – генерал-майор, заслуженный строитель РФ. В годы Великой Отечественной войны Г.М. Шубников руководил военно-строительными организациями, строил оборонительные сооружения, мосты – в том числе через Вислу, восстанавливал военные заводы. После войны участвовал в строительстве космодрома Капустин Яр, а затем стал первым начальником строительства Байконура.

Работа на строительстве космодрома – напряженный и изнурительный труд в трудных климатических условиях. Палатки, землянки, отсутствие питьевой воды, облака пыли на автомобильных трассах из-за отсутствия твердого покрытия дорог и неподвижного воздуха при 45-градусной жаре – всё пришлось преодолеть первым строителям Байконура. Секретность витала в воздухе и быту, как пыль в воздухе. Космодром имел адрес: Ташкент-90. На плечи военных строителей легла вся тяжесть первых, самых трудных лет создания космодрома. В этот период строился комплекс для создания межконтинентальных баллистических ракет, создавались старты для обеспечения полетов искусственных спутников Земли и первых космонавтов.

15 мая 1957 года (всего через два года после начала строительства) состоялся первый пуск ракеты “Р-7”, а 4 октября – запуск первого искусственного спутника Земли. 12 апреля 1961 года был осуществлен запуск космического корабля “Восток” с первым космонавтом Ю.А. Гагариным.

В сооружении Байконура принимали участие многие коллективы: ученые, проектные организации, подразделения Министерств монтажспецстроя, общего машиностроения, шахтеры, монтажники, инженеры, рабочие многих сотен предприятий, десятки, сотни тысяч

людей различных специальностей, военнослужащие, сотни тысяч военных строителей – космодром строила вся многонациональная страна. 130-е Управление инженерных работ ГУСС МО СССР было основной строительной организацией на легендарном космодроме Байконур. Первоначально Байконур создавался как полигон для испытания боевых межконтинентальных ракет, но со временем боевые старты без особых сложностей были переоборудованы в космические. Здесь были испытаны и отработаны многочисленные боевые ракеты, в т.ч. так называемая “Сатана” конструкции М.К. Янгеля и другие, составившие ракетно-ядерный щит СССР. Были и неудачи. 24 октября 1960 года при испытании боевой ракеты погибли люди, и первый Главком Ракетных войск стратегического назначения главный маршал артиллерии М.И. Неделин, курировавший строительство Байконура. Но, несмотря ни на что, строительство наращивалось.

В конце 1960 года военные строители приступили к строительству первой подземной стартовой площадки, вошедшей в историю Байконура под номером шестьдесят. К 1967 году на Байконуре были построены и действовали десятки стартовых комплексов различных боевых и космических ракет. Густая сеть современных железных и автомобильных дорог связывала эти площадки между собой, а также с жилым городом. Вся территория полигона практически была поделена на три больших района, на территории которых вели работы три главных конструктора. Левое крыло “занимал” В.Н. Челомей, центр обеспечивал работы С.П. Королева с космическими программами, правое крыло “принадлежало” М.К. Янгелю – там в основном испытывалась боевая техника.

За короткий срок на территории 7360 кв. км были возведены десятки сложнейших стартовых комплексов, предназначенных для запуска различных космических и военных ракет, монтажно-испытательные корпуса, станции слежения, огромные технические позиции, обеспечивающие испытания и эксплуатацию комплексов, разветвленная сеть железных и автомобильных дорог, инженерных коммуникаций. В это же время построен Ленинск – уникальный, красивый и благоустроенный город с необходимым соцкультбытом и развитой инфраструктурой. Этот город – воистину цветок из камня в жарком и холодном обрамлении пустыни…

В свое время Генеральный конструктор ракетной техники С.П. Королев так говорил о вкладе военных и гражданских специалистов: “Я был уверен, что военные строители не подведут. Но я не предполагал, что в такой короткий срок они смогут построить так много и так хорошо”.

В последующие годы военные строители занимались возведением комплекса для «лунной программы» со сверхмощной ракетой-носителем “Н-1”. И хотя эта программа была закрыта в 1974 году, (повлияли преждевременная смерть С.П. Королева и неудачи), она явилась основой создания наземного комплекса для многоразовой космической системы (МКС) “Буран”, названного позднее многоразовым ракетно-космическим комплексом (МРКК) “Энергия-Буран”. Котлован под стартовое сооружение по программе “Буран” впечатлял: 250 метров на 500 метров, глубина 50 метров, объем земляных работ – 1,8 миллиона кубометров.

К 1981 над созданием наземного комплекса системы “Энергия-Буран” работало 36 тысяч человек. Достаточно сказать, что наземный комплекс представлял собой крупный объект с уникальной технологией и очень высокими требованиями, стоимостью в ценах того времени более 2-х млрд рублей. Были построены два аэродрома, в том числе с взлетно-посадочной полосой длиной 4500 метоup и шириной 84 метра для орбитального корабля “Буран”.

15 ноября 1988 года с помощью сверхмощной советской ракеты-носителя “Энергия” был выведен на околоземную орбиту 100-тонный многоразовый орбитальный корабль “Буран”, успешно осуществивший после орбитального полета автоматическую посадку в беспилотном варианте на космодроме Байконур.

Создание каждого комплекса – это огромный творческий труд героев-строителей. В 1986 году на космодроме в 130-м Управлении инженерных работ (УИР) было сосредоточено более 80 тысяч солдат и сержантов и свыше 6 тысяч офицеров, прапорщиков и инженерно-технических работников. Гигантский труд строителей позволял успешно решать стоящие задачи.

С 1955 года по октябрь 1991 года с космодрома проведено более тысячи учебных пусков баллистических ракет и 944 запуска ракет-

носителей с космическими аппаратами, пилотируемыми кораблями и межпланетными станциями различного назначения.

В период с 12 апреля 1961года по 1 октября 1991 года было запущено 75 пилотируемых кораблей, 52 автоматических грузовых корабля “Прогресс”, четыре транспортных корабля снабжения (ТКС), восемь станций типа “Салют”, “Алмаз”, “Мир”, на шести из которых работали экипажи, трех специализированных модулей: “Квант”, “Квант-2”, “Кристалл”. Также были выполнены важные международные программы, в том числе советско-американские “Союз-Апполон”. В космосе побывало 69 советских космонавтов и 17 космонавтов-исследователей из 16 иностранных государств по программе международного сотрудничества.

Большой вклад в строительство комплексов и космодрома внесли в свое время руководители 130-й УИР: генерал-майор И.М. Гурович (1965-1972 гг.), полковник В.Ф. Орехов (1972-1978 гг.), полковник Г.М. Питалев (1978-1980 гг.), генерал-майор А.А. Федоров (1980-1986 гг.), генерал-лейтенант А.А. Макарычев (1986-1989 гг.), генерал-майор С.Л. Чухров (1989-1992 гг.), а также сотни других руководителей и командиров, тысячи инженеров и военных строителей. Руководство строительством космодрома непрерывно осуществлялось заместителями министра обороны СССР: генералом армии А.Н. Комаровским, маршалами инженерных войск А.В. Геловани, Н.Ф. Шестопаловым, генерал-полковником Н.В. Чековым, их заместителями – генерал-полковниками Л.В. Шумиловым, К.М. Вертеловым, Н.М. Поповым, а также руководством ГУСС МО – генералами В.Ф. Зотовым, М.Г. Григоренко, В.С. Григорькиным.

В 1987 году военные строители Байконура совместно с оперативными подразделениями округов и флотов страны выполнили большую программу строительства жилья и объектов соцкультбыта. Было введено 70 тысяч кв. метров жилья, 5 детских садов, 4 школы, детская поликлиника с бассейном на 480 посещений. Строительство поликлиники на космодроме Байконур (г. Ленинск) было поручено военным строителям БВО. Мобильный строительно-монтажный участок возглавил офицер В.М. Куник, ныне подполковник запаса, директор ОАО “83 УНР” г. Барановичи. Объект посетил космонавт

№ 2 генерал-полковник Г.С. Титов. Он как куратор от космодрома дал высокую оценку работе белорусских военных строителей.

Военные строители 130-го УИР построили такие уникальные объекты, как кислородный завод – самый большой завод по производству кислорода в Европе, наземные стартовые комплексы, объекты связи и наблюдения, стенд динамических испытаний с высотой ворот 108 метров, уникальный комплекс «стенд-старт», монтажно-заправочный комплекс, водовод протяженностью 150 км из пустыни Кызылкум, включающим скважинный водозабор с глубины 820 метров, трубопроводы диаметром 1200 мм и другие объекты.

После распада СССР материальная база космодрома пришла в запустение. Тем не менее, организация продолжала обеспечивать космодром Байконур. В дальнейшем в 1998 году 130-е Управление инженерных работ было ликвидировано и его функции были переданы созданному 417-му строительному управлению.

Сегодня, в соответствии с соглашениями, подписанными с Казахстаном, космодром Байконур передан в аренду России и продолжает служить интересам РФ и Союзного государства. Вклад военных строителей в обеспечение прорыва в космос является настоящим трудовым подвигом. Высокими правительственными наградами отмечены тысячи военнослужащих, рабочих и служащих. Все сооружения, в том числе “Гагаринский старт”, являются настоящими рукотворными памятниками для потомков, продолжающими служить осуществлению работ по реализации космических программ.

АЛЯКСЕЙ ПАЛАЧАНСКІ

Нарадзіўся 26 сакавіка 1992 года ў Мінску. Скончыў ліцэй Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 2009 годзе. Зараз вучыцца на факультэце радыёфізікі і электронікі БДУ. Піша на беларускай мове вершы і прозу. Друкаваў свае творы ў часопісе “Дзеяслоў”. Жыве ў Мінску.

Гарбата са снегам

Доўгі зімовы вечар распачаўся яшчэ гадзіны ў чатыры. Тут, у кіламетрах ад любога жытла, добра ўжо ссінела, вылупіліся першыя зоры, а пасля ўжо пасыпалі жменямі. На павароце невялікай грунтавай дарогі, сярод растапыраных пад снегам елак, стаяла гулкая цішыня. Тут, у гэтай цішы, было люта халодна, мароз ціха дзёр скуру на твары ды прасякаў пад апранахі. Снег ішоў з раніцы ды трохі ўдзень, цяпер жа неба было чысцюткае, аж дыханне займала. Дзве прысыпаныя каляіны прарэзвалі дарогу уздоўж і цягнуліся далёка – а чаго ж ім было спыняцца? Наперадзе разлілася поле, над ім у бязветранасці сыпалася неба.

Там далей з-за ўзгорка паказаўся чалавек. Ён узлез на яго ды агледзеўся навокал, але быццам бы абыякавы, ён рушыў наўпрост да павароту. Адсюль яго нельга было разгледзець, але ішоў ён нейк няроўна, усё не трапляў у свой тэмп. Для яго быццам бы не было дарогі, ён крочыў дзесьці збоку, прабіраўся праз густы снег. Яму было глыбока, часам здавалася, што ён валіўся долу. Адзін раз дакладна зваліўся быццам на тое, каб ужо не ўставаць. Тады позірк мімаволі скіроўваўся ўгору, на бясконцасць, паміж зор, у халодную абсалютную экзістэнцыю. Дзесьці там, толькі там, забыўшыся на зямлю, на маразы можна пакаштаваць сапраўднага смаку жыцця, параўнаць імгненне і вечнасць, узнесці свае малітвы. Але чалавек той паднімаецца, глядзіць вакол і рушыць далей. І пакуль ён там, далёка, ён нават не ўспрымаецца як чалавек, як жывая істота. Гэта проста цёмная пляма, якую цяжка адрозніць ад снегу пад сінім небам. Але вось бадзяга падыходзіць бліжэй, можна разгледзець, як ён крочыць,

падымае калены ледзь не да шыі, размахвае, дапамагае рукамі, хістаецца, ды з-за гэтага збіваецца са шляху. Але гэта такі ягоны шлях. Халодна яму, ціха грызе мароз за твар, накідваецца, адмахвайся не адмахвайся, лезе за каўнер тугой кашчавай рукой.

Хутка чалавек павялічваецца, дападае да павароту ды вылазіць з сумётаў на дарогу. Толькі і тут ён не спыніўся, крыху глянуў уздоўж дарогі і пайшоў наўпрост, як і ішоў – проста зноў сігануў на ўзбочыну, нібы ні павароту, ні дарогі не існавала. Толькі прахрубасцеў снег на шляху ды застаўся на ім ланцуг крывых слядоў. І зноў яго постаць аддалялася, далей і далей праз поле, у лагчыну, пакуль не злілася з сінім вечаровым марозам.

Вечар ужо зусім быццам бы сыходзіў на ноч, калі падарожны апынуўся блізу невялікага горада. Ён ішоў усё ў ранейшай сваёй манеры, намагаючыся трымацца аднаго кірунка, але яго заносіла ды валіла на бок. Над рэдкім гаем узносілася ружовае святло, але тут, на ўзлеску, было ціхмяна і змрочна. Перад самымі дрэвамі ўжо стаяла на адлегласці колькі дамоў, а адзін адбіўся на самы край; ён быў тут зусім побач. Чалавек як ішоў так і рушыў проста да дому, быццам увесь свой доўгі шлях ён накіроўваўся менавіта да гэтага месца. Ногі яго гэтак жа блыталіся ў высокіх сумётах, калі ён ужо падыходзіў – таксама не пажадаў увайсці праз брамку за колькі крокаў убок, дык сігануў праз жывую загарадзь – так у гэтых месцах азначалі сваю тэрыторыю.

Зусім побач з домам снега не было ад цеплыні, цёмная глейкая глеба разам з гнілой травой ліпнула да падэшваў старых высокіх ботаў з разваленай халявай. "Гразка, гразка, – бурчэў чалавек – а калі тая вясна яшчэ". Дык падышоў тады чалавек да сцяны, да гарачага акна і тады ўжо спыніўся, паклаў рукі на раму і стаў глядзець. Дыханне яго клалася на акно маленькімі аблачынкамі, разганяла намаразь ды сыходзіла парам. Яго постаць перад святлом, у пацёртым кажуху, прыхіленая, прыгорбленая, з рукамі, узнятымі да акна.

Ля акна сядзеў хлопец, самавіта апрануты, з адмыслова зачасанымі валасамі, сядзеў за сталом з доўгім абрусам, ды цягаў пад ім нагамі. Увесь пакой быў святочна асвечаны: электрычнасць і свечкі, залатыя шпалеры з бліскучымі кроплямі. А па лесвіцы з другога паверху спускалася дзяўчына ў святочнай сукенцы. Тварам яна была, можа, і не самая прыгожая, але яе стан так вылучаўся пад уборам, гнутка ўгінаўся за яе плыўнымі рухамі, так яна ведала, як сябе весці, што немагчыма было не захапіцца ёй. Хлопец адсунуў крэсла, ды разліў гарбату з невялічкага імбрычка, усё такімі павольнымі далікатнымі рухамі. Валацуга той гідліва зморшчыўся ад такога. "Ат жа ж, невядома чаго навыдумлялі сабе: соваюцца, соваюцца, усё ім пястота," – ён глядзеў на адмысловы гарбатны сервіз з малымі кубачкамі ды срэбнымі лыжкамі. Дзяўчына сядзела проста, перакрыжаваўшы ногі пад вузкаю сукенкаю, яна падсунула да сябе цукарніцу, адкрыла яе ды ўкінула ў гарбату дзве дробкі. Пасля апусціла лыжачку, ды крышку павадзіла ёй у кубачку, каб не стукнуць раптам. "Ат жа ж," – нават плюнуў за акном валацуга. Але праз гэтую ўдаваную гідлівасць ён збянтэжыўся ад убачанага, нязвыклага ды ўвогуле непрыстасавальнага да яго натуры. Ён неяк прыцішэў, ды пасунуўся бліжэй да акна, бы малое зазірнула ў казачны свет. "Вось жа прыгожая, – сказаў пра дзяўчыну. – Я такой ніколі не бачыў". Ды глядзеў далей на гэтых людзей, невядомых яму, як на іншы свет, глядзеў, пакуль была такая магчымасць. А ў вачах яго галоўным чынам, канешне, заставаўся адбітак далёкай дарогі, але дзесьці звонку, на паверхні плавалі водбліскі багатага святла, электрычнасці, парцаляну.

Але гэта было ўсё, што мог бачыць той чалавек-бадзяка з вуліцы. Тут жа ўсё было, можа, не так гладка, як паказвала тое шкло, праз іскрыстыя ўзоры прасякалі толькі вонкавыя факты ды некаторыя промні абсталёўкі. Чалавек не адчуваў таго паветра, цёплага і дурнога, што згушчалася тут, пад лямпай, над сталом, кубачкамі гарбаты, паміж хлопцам і дзяўчынай. Размова не клеілася. Па праўдзе і размаўляць-та не было аб чым, але і маўчаць было нельга. Хлопец прызнаўся сам сабе, усярэдзіне канешне, што сумуе. Дзяўчына паступова стала яму нецікавая, ён зрабіў з ёй ужо ўсё, што хацеў, і можа, нават нешта, чаго і не хацеў, але што падказвалі сябры. А пакольکі нічога новага не прадбачылася, то каханне зводзілася да паўтору. Цяжка. Дзяўчына ж, пасля таго, што адбывалася, не магла маўчаць, іначай ёй рабілася страшна, калі яна думала аб гэтым. Яна не баялася б, калі б тыя паўторы былі на пачатку іх адносінаў, але больш за ўсё палохалі яе думкі

аб “нечым новым”, як хлопец казаў ёй часам. І вось цяпер ёй было страшна маўчаць, адчуваць сябе пакінутай ці нават правакатаркай, але яна гэтага не выдавала, а сядзела так элегантна, з простай спіной, з перакрыжаванымі нагамі, нібыта спадніца была настолькі шчыльнай, што сама іх сціснула і перакінула ў розныя бакі.

Гарбата была нейкай пустой, бязважкай – зразумела, гарадская вада. Нібы кавалак мыла засеў у глотцы, а разам з тым яе раздзірала, душыла незразумелая крыўда ці яшчэ нешта. Ні ён, ні яна не маглі выказаць думак, таму пакутліва маўчалі, а разарвацца ў прыпадку вар’яцтва тады яшчэ падавалася ім надта недарэчным. Толькі сядзець, піць гарбату і маўчаць, ды яшчэ ласкава пазіраць адзін на аднаго паўзверх кубкаў, выразна ўсміхацца, ды прыплюшчваць вока, варушыць нагамі пад сталом, глядзець на гадзіннік, на каляндар, на дзверы, на стойку з нажамі. Маўчаць.

– У мяне ніколі не было такіх сталых адносінаў з хлопцамі, – маўчыць яна.

– Я думаю, людзі зайздросцяць нашаму шчасцю, – маўчыць ён сам сабе.

Благое, гарачае паветра, усё праз яго. Млеюць заблудныя дзеці, шалеюць ад яго, ад электрычнасці, шпалераў, сурвэтак. І ўжо хлопец, стомлены выяўляць каханне, сціскае кулакі, вытарэшчвае вочы на дзяўчыну, а тая бачыць і цішкам набірае пад сталом тэлефон службы выратавання. Хоць, можа, сёння ўсё і абыдзецца неяк, можа, развязка адкладзецца да нейкага іншага дня, толькі яна будзе, абавязкова будзе. І вось, сапраўды, паглядзіце: скула згладжваецца, ды хлопец лезе ў кішэню пінжака і выхоплівае адтуль пярсцёнак, як пісталет. Ён прапаноўвае, настаўляе яго ў твар дзяўчыне, а тая, аднолькава смяротна напалоханая, згаджаецца быць з ім да самай смерці, альбо адразу ляціць з крэсла з дзіркай у ілбу.

Чаму так, чаму нельга іначай? Нават крыўдна неяк за іх. Паглядзіце на іх яшчэ раз, з боку пакоя. Хлопец сядзіць злева ад вас, дзяўчына справа, а роўна паміж імі замерзла акно, у якім высоўваецца стары валацуга, як малое дзіця, міргае і дзівіцца ва ўсе бакі.

Ды як глядзеў ён, акуратна прытуліўшыся да акна, нібыта сузіраючы нешта святое, то раптам, сумеўшыся, як адскочыць! Ды плюючыся, ды лаючыся, кідаецца на акно, грукоча ў яго, шалее. “Якое права, якое права вам?!” Злуе стары вар’ят, тыя маладыя пасмяяліся б з яго. А ён толькі б’е сухімі рукамі ў марознае шкло, ды што толку? Умерзла шкло, засохлі, закамянелі людзі. “Якое права вам, маладым?!” – крычыць дзед, як даўно не крычаў. Не можа прабачыць ім тут, на марозе, іх цёплага шчасця. Злаяў іх усяляк: “Пачвары! Смаркачы! Вам жа пасля за ўсё гэта плаціць прыйдзецца!” Гэта ён крыкнуў з асаблівай злобай яшчэ і таму, што сам не быў упэўнены ў гэтым, але, сказаць па сакрэту, ён быў правы, прычым правы для кожнага выпадку, хоць і не ведаў гэтага. І пасля гэтага выпадковага вяшчунства ён упаў у знемажэнні, упаў пад акном, каб аддыхацца.

А калі крыху паляжаў, адпачыў, дык узняўся неяк нязграбна, захінуў кажух, ды пайшоў некуды ў іншы бок і ішоў гэтак жа проста, але вагаючыся, праз старыя сумёты, у якіх шарон рэзаў нагу, праз пабітыя дарогі, лясы ды невядомыя паплавы. Ішоў ён, пакуль не стаўся кропкай у далечыні, і калі адвядзеш позірк, то ўжо не зможаш у цемры адшукаць яго.

Ля дарогі

Ранак. Зімовы. Выйшаў чалавек на ганак, пастаў у дзвярах – адаспаўся ўжо. Марозна, сонечна, шчэць на шыі храбусціць, аб змёрзлы каўнер трэцца. Пакруціў, пакруціў чалавек галавой; вочы, у атачэнні калючых, як той мароз, зморшчынаў, спакойна леглі пад шырокія павекі: “Лып-лып…” – спрасонку трэба распрацаваць усё, разагрэць сваё цела, пачухацца. Глянуў на сваю зямлю, на нейкія хрумсткія прасторы далей – там нейкі лес мроіўся ці нават чыгунка. Сонца, як цуралася чаго, далікатна абыходзіла яго сядзібу бокам і ўвесь свет падаваўся складзеным з даўгаватых тонкіх кавалачкаў марозу. Нават паветра не было суцэльным, але трапляліся ў ім зіхоткія драбінкі, а разам складалі нават нейкую нябачную заслону, перашкоду для руху. “Трэба дзверы закрыць – што я зараз у сенцы холаду напушчу?” – адзіная думка вырвалася ў чалавека і ён сыйшоў на двор, як прачнуўся, у адной кашулі ды ватовых штанах. Падняў

руку – перакрыжаваўся, пільна гледзячы ў бок уяўнага лесу, чыгункі, падняў другі раз – расцёр твар мулкім зляжалым снегам, нібы кавалкам мыла. Твар адразу стаўся чырвоным і свежым, чалавек нешта крэкнуў, ды рушыў у хату.

Дзверы стукнулі, але не зачыніліся і пачалі зноў раскрывацца, але чалавек ужо выходзіў, хутаючыся ў кажух ды расціраючы далоні. Ён яшчэ стаў, прыслухаўся, а пасля рушыў на дарогу ды пайшоў у бок шашы, супрацьлеглы лесу.

На павароце стаялі тры высачэзныя лістоўніцы, напоўненыя такой праўдай, што і думаць пра яе было недарэчна. Але чалавек абмінуў іх і акінуў зіркам раўнапраўнага, без лішніх думак. Ніякіх развагаў аб высокім не прыйшло ў яго галаву.

Ішоў нейкі ломкі чорна-белы бярэзнік. Са сваіх сховаў выходзілі думкі пра яго, ужо смялей, але чалавек проста ішоў, узіраўся ў яго. Танюткія далікатныя галінкі, якія, падавалася, толькі злёгку падчапіць, і яны злятуць долу – усё гэта чалавек ведаў, і было яно для яго натуральным і штодзённым. Пад скупым сонцам, на дарозе снег храбусцеў, быццам капуста. Яшчэ адзін паварот, амаль на сто восемдзесят градусаў – дарога ўхадзіла на мост над шашой. Нейкі дзед у спецадзенні ішоў следам – заўважыў чалавек. Ён выгульваў свайго сабаку. Пасярод маста чалавек спыніўся, глядзеў па-над дрэвамі. Неба яшчэ не страціла адбіткі ўсходу, лёгкія пёры плылі з-за небасхілу, сыпала іскрамі сонца, кідала на дрэвы сваю часовую ласку. Толькі чалавеку таму казаць ці думаць пра гэта не трэба было, быццам апраўдваючыся ці намагаючыся даказаць права на выяўленне духовых пачуццяў.

На масту яго дагнаў дзед з сабакам. Яны ішлі па іншым баку дарогі, дык падыйшлі бліжэй:

– Ці ёсць цыгарэта, можа?

– Няма, выбачай.

Дзед пакорліва пашкандыбаў далей. “Ці ён наўмысна гэта за мной ішоў, каб спытаць смаліць?” – падумаў услед чалавек і пайшоў у супрацьлеглы ад дзеда бок – туды, адкуль прыйшоў.

Гэты ж чалавек тым жа ранкам сядзеў на табурэтцы пасярод свайго гарода ды сёрбаў цёплую гарбату. Перад ім была тая ж нязведаная прастора: хутчэй за ўсё лес і тое што за ім. І не проста лес ён бачыў, а кожнае дрэва паасобку і кожную галінку на ім, як яны цягнуліся насустрач яму. І нешта было нават перад ім непасрэдна. У гэтым крыштальным марозным свеце вымалёўвалася мяжа снега, якая абрывалася перад самай табурэткай. Калюжыны ў сырой глебе, цвёрдыя камлыгі, каменьчыкі, адталая вада ва ўласным следзе – усё было максімальна выразна, выяўляла сябе ва ўсёй сутнасці. Рэзка і бескампрамісна, як неабвяргальная праўда жыцця, паўставалі перад чалавекам дзве засохлыя сцяблінкі, гайдаліся ад подыху ветра ў лепшых традыцыях фізікі, падпарадкоўваліся кожнаму закону, абы толькі дагадзіць чалавеку. А ён сядзеў, сёрбаў гарбату і быў удзячны ім за гэтую ўвагу. Ён увесь быў тут, цалкам, без задніх думак. Толькі тут, пасярод двара, пад небам насупраць лесу, у гэты момант. Зараз.

Ён глянуў раптам уніз і ўбачыў свой абутак: нейкія старыя кеды з надпісам “Vans” альбо нешта накшталт. Дзіўна, але нейкія згадкі паўсталі перад ім. Аднойчы ён прыйшоў у нейкі горад… і там было шмат усяго, вельмі шмат, настолькі, што і заўважыць нічога нельга. І вось сярод гэтай разнастайнасці ён чамусьці абраў адну жанчыну, – тут чалавек напружыўся, каб узгадаць дакладней, як гэта было, але не даў рады. Затое ўзгадаў, як у яго з’явіліся нейкія малыя, якія ўвесь час былі з ім, і яны раслі ушыркі і ўвышыню. А калі яны сталі такімі ж вялікімі, як ён, у яго з’явіўся яшчэ нейкі малы… і калі яму гэта надакучыла, ён сыйшоў адтуль і адзіным напамінкам пра той недарэчны выпадак былі гэтыя кеды, якія падараваў яму той малы, калі знасіў ужо.

Чалавек падумаў яшчэ, наморшчыўшыся, пра гэтыя кеды і, канчаткова заблытаўшыся, падхапіў сваю табурэтку ды рушыў у хату.

Пасля ён пайшоў па дровы ў прыбудоўку і паліў у грубцы, укінуў у ваду некалькі бульбін, цыбулю, тое-сёе і варыў сабе ежу. А калі еў, то думкі яго былі аб тым, што ён есць. А калі працаваў, то аб тым, што ён робіць. Даўно ён ужо не задумваўся аб тым, што трэба, і чаго чакаць, і каго слухаць. І таксама не пакутаваў ён ад залішняга выбару.

Калі надышоў вечар, ён шмарганоў рукавом аб нос ды абапёрся аб паркан. Той крыху пахіліўся, і чалавек падумаў: “Назаўтра будзе

работа. А сёння ўжо не буду нічога рабіць". Ён паглядзеў на дарогу, якая ўвечары стала амаль ружовай – яна выпаўзала з-за лесу і ішла на ўсход – туды, дзе, магчыма, гудзела чыгунка. На той дарозе стаяў чалавек. Гэта быў малады хлопец. Ён стаяў, як бы ў разгубленасці, і пазіраў то на дарогу, то на хату. Здавалася, ён ледзь не плакаў.

Чалавек выйшаў з-за паркана ды пакрочыў да хлопца. Той толькі зараз яго заўважыў і хацеў ужо сыходзіць, але чалавек нагнаў яго.

– А дзе тут чыгунка? – нясмела запытаў юнак.

– Але ж… – чалавек падумаў ды махнуў рукой кудысьці за сябе. – Там, напэўна.

– Ну добра… – вымавіў хлопец і пайшоў туды, дзе, меркавалася, знаходзілася чыгунка. Пайшоў як пад прымусам, так падавалася.

Чалавек пачаў глядзець яму ўслед і чамусьці падумалася, як ён сам прыйшоў сюды ўпершыню. Нават нечаканы быў гэты ўспамін, і ён здзівіўся, бо як бы гэта і зусім не ён быў тады яшчэ. Мабыць, гэтак жа ішоў з-за лесу, а можа, і з цягніка – хто ведае – ішоў па гэтай сцежцы. І быў такі ж акурат ружовы вечар, калі ён дайшоў да павароты. І тут ён стаў, амаль як той хлопец, і глядзеў навокал, перад сабой і ўдалечынь таксама. І хоць было яму вельмі цяжка, ішоў ён у вельмі такім жорсткім рытме, які не даваў яму разрыўкі, але тут ён проста зваліўся, знясілены, на калены, ды ўпаў на дарогу, на ружовую глебу. "Гэта ўсё… для мяне," – шаптаў ён тады проста ў зямлю, у камень, у кавалак дрэва з гнуткімі прожылкамі і цэлым мурашнікам усярэдзіне. І на наступны дзень, калі хадзіў у лес за дровамі ці ладзіў на падворку якуюсь гаспадарку, увесь час паўтараў гэтыя словы. А пасля ўжо, калі цалкам збудаваў сабе хату, закінуў насенне ў зямлю і сеў у спакоі на ганку, то і вар'яцкі рытм некуды адышоў і самыя пільныя справы неяк забыліся. Азірнуўшыся назад і не пабачыўшы ніякага назіральніка, які б кантраляваў яго ці выстукваў палкай сваю бясконцую дыктоўку, чалавек рассмяяўся сам сабе і сказаў: "Во дурны ж быў!"

А зараз, прыгадаўшы гэта нейкім смутным вобразам, ён крыкнуў хлопцу наўздагон. Той як бы гэтага і чакаў – павярнуўся і ўзрушана пайшоў насустрач. Збянтэжаныя, яны пасталі сярод дарогі: адзін, не ведаючы, як дапамагчы, а другі, сам не разумеючы сябе.

– Хадзем, хіба што, хоць павячэраем, мабыць, – сказаў чалавек ды махнуў рукавом.

– Ну ты сядай, распранайся, сюды, – чалавек начапіў свой кажух на цвік ды выцягнуў услон з-пад стала. Чамусьці ён быў зараз надзвычай мітуслівы для свайго спакойнага ўвесь час жыцця, і нават казаў хутка. Яму самому гэта было не вельмі прыемна.

– Дык цябе як завуць? – запытаў хлопец.

– Што? – не зразумеў чалавек.

На вячэру ён паставіў міску душанай бульбы і мёрзлага сала. Селі яны побач і елі разам, ледзь не датыкаючыся ілбамі. Спачатку маўчалі, а потым, як паставілі ваду на гарбату, то паціху разгутарыліся. Хлопец цішкам пазіраў у кут, дзе пад столлю віселі каталіцкія абразы і крыж пасярэдзіне. Побач стаяла свечка ды нейкія засохлыя кветкі ці травы, ломкія ды пераплеценыя. Ён усё не мог адважыцца сказаць нешта.

– А царква тут ёсць дзе? – запытаў ён нарэшце.

– Але, тут кіламетраў колькі па шашы, – схіліў галаву чалавек і моцна выдхнуўся. Пасля дадаў: – Я ж не ў самай глухмені жыву – і людзей бачу.

– Але Бог… Ён як увогуле – дапамагае?

Чалавек зноў, здаецца, не зразумеў пытання, альбо не дачуў нечага, і надалей сядзелі моўчкі, пакуль ужо ён не спытаў:

– Дык, а ты як тут апынуўся?

Хлопец аж сцяўся ад гэтага пытання, стан яго адразу выпрастаўся, быццам бы каб устаць ды ісці.

– Да я вось ужо, – пачаў ён, але чалавек з нечаканым ад яго разуменнем прамовіў:

– Ідзі ты ўжо спаць. А справы твае нічога табе не зробяць тут… – ён прымоўк, агледзеўся вакол і працягнуў:

– Калісьці ж і я такі бадай быў…

Чалавек працягваў свой кароткі аповед аб тым, што ўзгадаў сёння раней, а хлопец сядзеў прыбіты ды спустошаны, утаропіўшыся долу. Ён увесь час нешта вырашаў: ісці ці застацца, увесь час быў як спружына, гатовы сарвацца ды паляцець у невядомым кірунку… Было проста заўважна, як нехта нябачны ціснуў яго ў карак рукой, гнуў ягоную спіну, натуральна варушыў яго думкі, каб не мог супакоіцца. І ад

думак тых, ад тулянняў бясконцых, бедны хлопец ужо не мог і сцяміць, дзе сканчаецца ён сам і пачынаюцца яго абавязкі. Чалавек бачыў, што штосьці з хлопцам нядобра, але ён толькі сказаў у канцы:

– Ну давай, вырашай тады.

А хлопец адарваў свой позірк ад падлогі ды з адчаем утаропіўся на чалавека – маўляў, ратуй, дзядзька. Тады чалавек узняўся з лаўкі і пацягнуўся за кажухом:

– Хадзем, пакажу табе нешта.

Сонца ўжо зайшло, толькі там над дрэвамі з таго боку светлавата было, а ўсё наваколле апускалася ў сутонне. Чалавек шураваў наперадзе па глыбокім снезе, спрытна – аж хлопец не паспяваў. Яны павярнулі ля ўзлеску, з правага боку цямнеў сваімі храпкамі лес, дзесьці за ім мусіла быць шаша. У зімовай начы толькі іхныя крокі гучэлі навокал, ды яшчэ раптам рыпнула дрэва, вецер прайшоўся па абламаных галінках. І цішыня, нерухомы лес.

Наперадзе дрэвы выступалі далей на поле, а за імі адкрывалася невялічкая паляна, адкрытая з аднаго боку. Чалавек павёў хлопца праз гэтую паляну ў дальні канец.

– Сядай, – сказаў ён, ды хлопец сеў на нейкае каменне, тварам да поля, а з усіх бакоў, са спіны да яго падбіраўся лес.

– Сядай, – паўтарыў чалавек, – а калі надумаеш што, дык прыходзь – калі ласка.

І ён пакрочыў назад, а хлопец чуў толькі яго крокі, пакуль не апынуўся нарэшце ў суцэльнай цішы.

Чалавек, вярнуўшыся дадому, пастаяў у сенцах ды пакінуў дзверы адчыненымі. Распрануўшыся, ён укленчыў пад абразамі ды доўга маўчаў, потым перакрыжаваўся і ўзняўся. Пасля яшчэ зноў выйшаў на двор, паўглядаўся ўдалеч, пакратаў паркан, падлічыў нешта пра сябе, ды адправіўся спаць. Два разы ён яшчэ прачынаўся.

Ён пачуў як хлопец уваходзіць у хату, бразгае клямкай, шукае засаўку. Соваўся па сенцах, шукаў святло, пасля вазіў кружкай па вядру, набіраў вады. Праз нейкі час хлопец сціх, не стаў будзіць чалавека – відаць, сам знайшоў, дзе легчы. Мабыць, на ўслоне скруціўся.

Чалавек прачнуўся, бо пачуў голас у суседнім пакоі, або галасы. Не разумеючы спрасонку, ён адкінуў коўдру ды ступіў на сцюдзёную падлогу басанож. Падышоў да дзвярэй, як узгадаў пра хлопца, і спыніўся. З кім гэта ён размаўляў? “З д’яблам, напэўна,” – падумае чалавек пасля. Ён бачыў праз фіранку, як хлопец, ужо апрануты стаіць сярод пакоя неяк дзіўна і кажа камусьці: “Так, зараз… ужо еду…” Голас у яго быў не такі ўжо, як учора, – разгублены адчайны крык у пошуках выйсця – зараз гэта быў рашучы цвёрды голас дзелавога чалавека. Ён не шукаў падтрымкі, ён быў гатовы да самастойных дзеянняў. Тое, што ўчора пачалося з такімі цяжкасцямі будавацца ў душы маладога хлопца, было разбіта ўшчэнт. Адзіным імкненнем хлопец выйшаў з хаты і выляцеў на дарогу.

Чалавек накіраваўся за ім. Яны павярнулі налева, ішлі ўбок чыгункі. Чалавек ішоў ззаду, каб толькі не губляць хлопца з віду. А месяц вылез над лесам і заліваў шлях мармуровым святлом, як помнік. Помнік чаму? Хлопец ішоў па гэтаму мармуру, быццам не зважаючы. Застыглыя дрэвы са слановай косці праводзілі яго, некаторыя драматычна цягнулі галіны ўслед. Ён ішоў праз вёску, і хаты маркотна адводзілі ад яго патухлыя вочы. А чалавек ішоў ззаду, хлопец не азіраўся.

І вось ужо, на чыгуначнай станцыі, дзе аднойчы з’явіўся адзін чалавек, зараз знікаў іншы. Яны сталі па розныя бакі рэек і сустрэліся, і глядзелі адзін на аднаго. Але перш чым адзін з іх паспеў штонебудзь сказаць ці адрэагаваць, пранеслася электрацыя і ўцягнула за сабой маладога хлопца, прыгнечанага невядомым назіральнікам.

Уцягнула, уцягнула за паварот, з рукамі і нагамі...

Чалавек стаяў на станцыі, а пасля рушыў назад і ўлёгся спаць далей.

…А наступным ранкам ён калаціў са штыкетніку новы сабе плот.

ЛЮДМИЛА СИВОЛОБОВА

Родилась 26 января 1935 года в городском посёлке Тереховка Добрушского района Гомельской области. Окончила Сельскохозяйственную академию в городе Горки Могилёвской области. В школьные и студенческие годы активно участвовала во всевозможных литературных кружках и объединениях. В Минске живёт с 1968 года. Работала на разных должностях в нескольких столичных организациях и на предприятиях. В настоящее время на пенсии. Сохраняет верность литературному слову. Автор книги "Новеллы" (2011 год: проза).

Египетские войны

Две студентки медицинского института столицы Маша и Даша ехали на занятия. Была пятница. Впереди выходные дни, а главное – в воскресенье на 19-00 у Маши был пригласительный билет на две персоны на оперу "Аида" Джузеппе Верди в служебную ложу, который она получила от своего поклонника, работающего в этом театре.

Девушки так увлеклись мыслями о будущем спектакле, что стали демонстрировать свое "актерское мастерство" прямо на остановке при выходе из троллейбуса. Маша первая выскочила на тротуар, повернулась лицом к спускавшейся со ступеньки Даше и, присев на колено, сделала перед ней широкий реверанс. Даша, томно опустив накрашенные ресницы, нежно протянула Маше свою беленькую ручку. Троллейбусная публика столпилась у передней двери и безропотно ожидала конца этой мизансцены. Кто-то в салоне всё же нетерпеливо произнес: "Что за черт, что там случилось?" Но Маша и Даша уже закончили свое представление и мчались, позабыв обо всем к зданию института, чтоб не опоздать на лекции. А троллейбус, задержавшись на какие-то полминуты, пополз дальше.

Каждому студенту или студентке в прошлом да и в настоящем времени не было и нет необходимости напоминать, что, оказавшись в столице, главной задачей для них становится не только учеба, но

и посещение театров, кинотеатров и других зрелищ, без которых их жизнь просто немыслима. Но, ко всему сказанному, Маша и Даша были заядлыми театралками. Пользуясь успехом у знакомых актеров, они не пропускали ни одного оперного и балетного спектакля. Даже когда у девушек не было пригласительного билета, они просто приходили к служебному входу, и там их встречал кто-либо из знакомых ребят: Саша, Вася или Стасик. Ни один спектакль не обходился без участия этих, надо сказать, талантливых ребят, заслуживших уважение начальства и коллег по театру. Саша, Вася или Стасик обычно провожали Машу и Дашу в вестибюль. Затем девушки поднимались на второй этаж, покупали программку и занимали места в центральной служебной ложе, среди колонн. Маша вооружалась обычно театральным биноклем, а Даша обмахивалась веером, взятом напрокат у знакомой дамы. Перед началом спектакля девушки внимательно изучали программку и уже заранее знали исполнителей главных партий. В конце каждой исполненной арии Маша и Даша усиленно рукоплескали и присоединялись к возгласам других зрителей: "Браво! Брависсимо!"

И вот в очередное воскресенье после долгих приготовлений девушки отправились вечером в театр на оперу «Аида». Саша и Вася встретили их у главного входа и провели в вестибюль, а затем наверх, в просторное фойе. До начала спектакля было еще минут двадцать времени, и Маша с Дашей медленно прогуливались по фойе взад и вперед, изображая из себя искушенных светских дам. Перед самым началом действа к ним подошел Вася с очень элегантным мужчиной средних лет и представил ему девушек, которые в свою очередь протянули мужчине свои ручки для поцелуя. Элегантного господина звали Аркадий Семенович Вайнштейн, это был главный режиссер театра. Маша и Даша буквально сомлели от такого знакомства.

После третьего звонка девушки вошли в зал и уселись на знакомые места в центре служебной ложи, между колоннами. Спектакль проходил, как обычно, с уже известными исполнителями главных партий. Взволнованный тенор героя переплетался с лирическим сопрано героини, и их голоса, как птицы, разлетались под куполом зрителей, вызывая у них сладкую негу. Но вдруг грянули во всю мощь фанфары, и на фоне огромной пирамиды из-за кулис появилось египетское вой-

ско, состоящее из восьми полуобнаженных мужчин в коротеньких туниках с копьями в руках. Все они были небольшого роста, многие сутулые со впалой грудью, у некоторых из них были кривые саблеобразные ноги, обильно поросшие волосами. Мужчины шагали сбивчиво и не в такт. В зале стали раздаваться ехидные смешки. Наших барышень, как и большинство зрителей в зале, неприятно впечатлила внешность египетских воинов, представленных на сцене. Как могли такие хилые и немощные человечки строить огромные пирамиды и участвовать в войнах? Еще из школьных учебников по истории, где представлены копии древних египетских гравюр, мы привыкли видеть египтян, которые изображены стройными, загорелыми, идеально сложенными.

Обычно во время спектакля кто-либо из артистов приходил в служебную ложу, чтобы понаблюдать за ходом спектакля и реакцией зрителей. На этот раз на другой конец третьего ряда служебной ложи подсели главный режиссер театра, режиссер-постановщик “Аиды” Аркадий Семенович Вайнштейн, а также Вася, в задачу которого входило обеспечивать каждый спектакль внештатными исполнителями для мизансцен миманса, как это называют в театральных кругах. На роли египетских воинов Вася всегда брал ребят из Суворовского училища, которое находилось как раз напротив театра. Но на этот раз “суворовцы” уехали на учения, и, чтобы не сорвать спектакль, Васе пришлось нахватать добровольцев среди уличных прохожих.

Маша и Даша, как будущие врачи, вглядываясь в египетских воинов, что стояли на сцене, стали определять диагнозы их заболеваний по внешнему виду. “Кахексия вот у этого справа,” – сказала Маша. “А у крайнего слева врожденный рахит и сколиоз,” – добавила Даша. “Вася!!! … твою мать! И где ты только их выискал?!”– донесся с конца третьего ряда голос режиссера-постановщика спектакля Аркадия Семеновича. Маша и Даша не поверили своим ушам и удивленно посмотрели одна на другую. После спектакля девушки вернулись в общежитие и обсудили между собой всё увиденное и услышанное во время спектакля. Девушки сошлись во мнении, что артисты, режиссеры и вообще творческие люди – вовсе не ангелы, и ничто человеческое им не чуждо, вплоть до крепкого словца, сказанного в сердцах и по делу, причем, если они за это самое дело в ответе.

Троица

Кто же из нас не знаком с летним праздником Троицы, который с незапамятных времен и по сегодняшний день отмечают все православные христиане? Я поведаю вам о том, как когда-то давно отмечали этот праздник в одной знакомой мне семье.

Это был конец сороковых годов прошлого столетия, первые послевоенные годы, когда жители одного небольшого поселка дружно строили себе новые жилища взамен сгоревших хат. И неважно, какой наставал праздник – советский или церковный, – радостно отводили душу, чтобы отдохнуть от работы и повеселиться в обществе друзей и добрых знакомых.

Иван Андреевич Семенов, несмотря на почетный ранг райкомовского начальника и социальный статус атеиста, повально привитый всему населению того времени, как и все другие начальники, никогда не отказывал знакомым в приглашениях на праздничное застолье. А уж застолье всегда бывало по-гоголевски веселым и обильным. Если на одном конце деревни пели “Шумел камыш” или “Гурóчкі”, то на другом конце деревни знали, что идет “гулянка”. Почетных гостей обычно усаживали в торце длинного стола под образами, украшенными вышитым рушником. Стол буквально ломился от обилия натуральных домашних продуктов, среди которых возвышались поллитровые бутылки с водкой, самогоном, красным плодовым вином. Содержимое этих бутылок в процессе застолья обильно и часто разливалось в стаканы и полустаканчики, которые почему-то назывались «маленковскими». После слова каждого почетного гостя наполненные стаканы хором опустошались, и все принимались за холодец, сало, соленые огурцы, яичницу, зеленый лук, жареную рыбу. Затем стаканы наполняли снова и снова, и, как по-щучьему велению, на столе появлялись огромные миски с пышными пампушками и растертым со сметаной творогом, большие тарелки с драниками и домашней жареной колбасой. Народ смелел после каждого стакана, начинал отпускать шутки, а затем какой-нибудь мужской голос запевал всем известную песню, которую мигом подхватывали все остальные, и… “понеслась душа в рай”.

Ивану Андреевичу очень нравились старинные русские народные песни. “Из-за острова на стрежень, на простор речной волны…” – начинал, бывало, он и хмурил брови, пытаясь быть похожим

на Стеньку Разина. Тут же в пение включалась его супруга Мария Егоровна своим лирическим сопрано слишком высокой тональности: “Выплывают расписные Стеньки Разина челны…” Далее гудели все и во всю мощь своих голосовых связок. В процессе пиршества делались перекуры, а заканчивалось застолье кружками “узвару” (компота) или хлебного кваса. В общем, эта грандиозная программа завершалась, когда солнце садилось за горизонт и хозяйкам наставала пора доить коров и загонять из в хлев.

И вот однажды Иван Андреевич со своей супругой Марией Егоровной и двумя малолетними сыновьями, которые составляли половину его семьи, отправился на райкомовском джипе, в народе называемом “козлом”, в гости к добрым знакомым в отдаленную деревню, чтобы отметить праздник Троицы. Что дальше происходило с приглашенной четой, читателю уже известно, поскольку деревенские застолья мало чем отличаются одно от другого.

Вторую часть семьи Ивана Андреевича составляли две его дочери, оставленные дома на весь день отсутствия родителей. Старшей Анютке уже исполнилось четырнадцать лет, и она перешла в седьмой класс, а младшей Алеське было всего два годика. У Анютки уже был опыт ухаживания за детьми, так как родители периодически награждали ее этими живыми ляльками, и теперь после двух крикливых мальчиков уже два года она нянчила спокойную и послушную сестричку Алеську, которую в семье прозвали Лялькой. Анютка уже привыкла всё свое свободное время проводить с маленькой сестренкой: и уроки делала, держа ее на руках, и гулять к подругам отправлялась вместе с нею.

Покормив сестренку манной кашей и чаем с сухариками, Анютка уложила ее в деревянную кроватку-колыбельку, стоящую в дальней затененной части еще не достроенной хаты. Вскоре явились подруги и, узнав об отъезде Анюткиных родителей, единогласно решили устроить гулянку в просторной отстроенной части хаты, где была грубка с широкой чугунной плитой. Одноклассники-кавалеры с самого полудня кружились под окнами Анюткиной хаты. Девчата все вчетвером проживали на одной улице и дружили между собой. Собрались ребята. Их было также четверо. Девчата растопили плиту сухими березовыми дровами и начали завихаться у плиты: жарили яичницу, пекли блины и варили кисель – традиционную еду на Троицу. Отодвинули большой обеденный стол от окна и стали расставлять незатейливые

блюда. Тем временем ребята уже собрались в просторном дворе, где среди ярко-зеленого газона был вкопан турничок для качелей. У каждого кавалера из-под оттопырившихся карманов брюк выглядывало горлышко поллитровки. Одни кавалеры крутились на турнике, другие покуривали в ожидании приглашения.

Одна из подруг – Аришка, наиболее смелая и инициативная, вышла на крыльцо и торжественно пригласила ребят в хату. Гулянка началась. Ура, свобода! Все ощутили себя взрослыми и независимыми. Девчата попивали красное плодовое винцо, а ребята – водку, закусывая всем, что имелось в ассортименте. Весело перебивая друг друга, обсуждали свои школьные дела и тех, кто отсутствовал в компании, и, конечно же, учителей. Но вот проснулась Алеська и начала подавать голос. “Неси ее сюда,” – скомандовал Иван. Ребенка передавали из рук в руки, кто-то стал напевать: “Ай чук-чук!” “Так что же мы ее обижаем? Сами пьем, надо и ей дать вина,” – решил кто-то из компании. Наполнили половинку полстаканчика (граммов 20-25) и напоили ребенка, надеясь что и малышке будет так же весело, как и всем. Но Алеська не хотела веселиться, сделалась вялой и сонной, и Анютка отнесла ее в кроватку.

Гулянка достигла своего апогея. Стол отодвинули к стене, и начались пляски под «язык». Аришка, Анютка и веерка, притопывая ногами, что есть силы, пошли в пляс. Обмахиваясь расшитыми платочками, они напевали: “Барыня, барыня, сударыня-барыня…” Мишка, Васька и Иван пошли вслед вприсядку отбивать коленца. “А куда Колька пропал? Да и Вальки нет!” – заметил кто-то. Они оказались в уединенном месте за Алеськиной кроваткой, приятно беседующими.

День стремительно приближался к вечеру. Анютка начала волноваться. Скоровозвратятся родители, да и Алеська что-то спит и не думает просыпаться. «Кончайте свистопляску! Марш в парк, там догуливайте на пятачке. Скоро старики мои вернутся!» – объявила Анютка. Ребята нехотя ушли, а девчата взялись за уборку: надо же замести следы шумной гулянки. Наконец все ушли. Надо бы покормить ребенка, но Алеська спит, а родители задерживаются. Что же делать? Уже совсем стемнело, и наконец вернулись родители. Алеська проснулась, и тревога у ее старшей сестры прошла. “Слава Богу, кажется, всё обошлось,” – подумала Анютка.

На следующий день после службы Иван Андреевич, прогуливаясь по двору, произнес, с недоумением глядя на Анюту: “Откуда

столько окурков у нас по всему двору?” “Не знаю!” – отвечала Анюта, опустив глаза.

Прошло еще несколько дней. Однажды потребовалось достать несколько новых ложек из выдвижного ящичка обеденного стола, но оказалось, что стол поставлен этой стороной к глухой стене. Зачем перевернут стол? Пришлось Анюте во всем признаться. Но почему так долго спала Алеська и еле проснулась, так и осталось тайной для родителей. Сама же младшая сестренка Алеська узнала об этом от Анютки, когда уже выросла и стала врачом. Она и до сих пор таит обиду на свою легкомысленную сестру Анютку за этот случай.

Незабываемые встречи

Всё хорошее, что происходит в нашей жизни, может долго храниться в памяти, и в минуты досуга радовать усталую душу приятными воспоминаниями. Особенно это проявляется в осеннюю пору, когда природа собирается в спячку, а мечтательная человеческая натура расслабляется и впадает в состояние неги. Весна и лето всегда богаты происшествиями, кипучей деятельностью, и поэтому по осени бывает о чем вспомнить.

Моя подруга Марианна, работавшая инженером по сельскому хозяйству, после возвращения из сезонных командировок, длящихся по девять месяцев в году, всегда удивляла рассказами о своих приключениях, происходивших с ней в этих поездках. О некоторых из этих приключений я постараюсь рассказать от лица своей подруги.

Крепкий сон в летний полдень

В один из августовских дней я ехала по небольшому колхозному полю, окруженному по сторонам густым ивняком, прямо по стерне после скошенной ржи. Поле плавно спускалось вниз, где протекал маленький прозрачный ручеек. Был полдень, и стояла звенящая тишина. Вокруг ни звука, ни шороха ветра. Вся природа затаилась в этом полуденном сне. Летняя жара еще не окончилась, но уже чувствовалось приближение осени.

“Надо бы спуститься к ручью и напоить лошадь,” – подумала я. Но тут она сама внезапно остановилась, как вкопанная, возжи от неожиданности выскользнули у меня из рук. Я слезла с телеги, чтобы их поправить. Попыталась выдернуть вожжи из-под передних копыт лошади, но та даже не пошевелилась. “Что такое?” – недоумевала я. Подошла, погладила лошадиную морду, ласково приговаривая, у вдруг увидела у самых ее передних копыт большого красивого кота. Шерсть его отливала голубоватым серебром, сверкая под полуденными лучами солнца.

“Как он мог здесь оказаться? До деревни аж три километра!” – думала я. Нагнулась, чтобы его погладить. Он крепко спал. На его спине лежали длиннющие уши. “Да ведь это же заяц, а не кот!” – осенило меня. Не успела я этого “кота” как следует погладить: он моментально очнулся ото сна и дал “стрекача”, что есть духу.

Впервые в жизни я встретила в природных условиях настоящего живого зайца, и так радовалась этой встрече, словно первому свиданию.

Опасное знакомство

Была середина осени. Приближался православный праздник Покров, время, когда идут бесконечные моросящие дожди, и дни становятся короткими. Но земля еще не скована морозом, ее еще не покрыл слой снега, а поэтому полевые изыскания продолжаются.

Выбрав время, свободное от дождя, и небольшой участок вблизи деревни, я отправилась работать. Взяла в помощники деревенского мальчишку Колю в качестве рабочего, прихватила бур, рюкзак и полевой дневник. Пока Коля выкапывал шурф глубиной в два метра, а я делала привязку к местности, наступил полдень, время обеда, и я отпустила парня домой в деревню, с условием, что после того, как покушает, он вернется. Сама же, расположившись у шурфа, взяла из него несколько образцов грунта.

Откуда ни возьмись, вдруг появился молодой собачонок. Он уселся напротив меня, и, не меняя позы, стал следить за каждым моим движением. Странный такой: морда заостренная, как у лисы, гладкий, поджарый, палево-серый, а хвост длинный и лохматый. “Есть хочешь? Нет у меня, кроме хлеба, ничего, поверь. На тебе кусочек!” – тут я положила около него кусочек хлеба, но он даже не

сдвинулся с места. Глядел в упор на меня. “Иди отсюда, пошел, пошел домой!” – попыталась я его отогнать. Но он ни разу не гавкнул, и по-прежнему не спускал с меня глаз, которые временами сверкали и вспыхивали, как огоньки.

“Ведь это же молоденький волчонок! – вдруг осенила меня мысль. – Только бы волчица не появилась”. Поодаль, метрах в двухстах от деревни, виднелся хлев, а за ним – густой ельник. “Так вот, откуда ты прибыл! Я тебе не Красная Шапочка, пирожков у меня нет, бабушки тоже нет. Иди домой!” – сказала я волчонку. Он, как будто что-то понял из сказанного мной, лениво встал, подошел к моему полевому журналу, в котором я вела все записи, лежащему возле шурфа прямо на земле, пометил его с чувством миролюбия и признательности и удалился в сторону густого ельника, что за хлевом.

Когда вернулся с обеда Коля, я рассказала ему об этой встрече. Мальчик был удивлен и немного встревожен. Затем он рассказал мне, что волчонок часто появляется в деревне вместе с волчицей. Иногда им удается выкрасть из телятника молодого теленка, но поймать волчью семью никак не удается.

Эта встреча меня ничуть не напугала, а напротив: “Не так страшен зверь, как его малюют,” – гласит народная мудрость. Я с этой мудростью полностью согласна. Да к тому же, вспоминаю слова своей коллеги по работе, учившей меня: “Не бойся зверей – бойся людей”.

Вот такие истории приключились с моей подругой Марианной. Мы так мало знаем наших соседей по планете, этих бессловесных животных и зверюшек, которые нас самих способны научить любви, верности, дружбе и доброте, чего, порою, так не хватает человечеству.

Часовой мастер

У входа в метро, среди многочисленных продуктовых и прочих магазинчиков и киосков, в укромном углу приютилась стеклянная будка, чуть более просторная по размеру, чем телефонный автомат, которых теперь уже не существует, и они заменены на таксофоны. Так вот, в этой самой будке постоянно виднелась мужская фигура, склоненная над широким столиком и орудующая среди множества

всякой металлической мелюзги. Над окошком будки находилась вывеска, на которой было написано жирными буквами “Ремонт часов”, и указано время работы.

В эту самую мастерскую и направилась Анна Васильевна, немолодая женщина весьма приятной внешности, похожая на учительницу. Два года назад ее супруга провожал на пенсию практически весь трудовой коллектив, и мужчине были подарены часы швейцарской марки. Мужа недавно не стало, и часы почему-то остановились и не хотели идти. Анна Васильевна очень любила эти часы и в последнее время постоянно носила их на руке, испытывая при этом такое чувство, будто ее муж всё еще с нею радом. Часы, хотя и мужские, но в очень изящном оформлении: в небольшом мельхиоровом корпусе, вместе с таким же браслетом. В ночное время циферблат ярко светится.

Анна Васильевна подошла к окошку будки и протянула мастеру часы, чтобы он их отрегулировал. Мастер небрежно взял часы, взглянул на них и, практически сразу, даже не разбирая, протянул их обратно со словами: “Можете выбросить”. “Выбросить?! Ах, так!!!” – вскрикнула Анна Васильевна. Затем она повернулась к мусорной корзине, стоящей у самой будки сразу за дверцей, и показно всунула руку прямо внутрь корзины, наполненной какой-то мятой бумагой. Далее женщина повернулась и ушла. Она вошла в магазинчик, расположенный в двух шагах от часовой будки, напротив. Из-за стеклянной витрины магазинчика хорошо просматривалась часовая мастерская и та самая мусорная корзина сбоку от двери.

Прошло не более минуты, как из будки выскочил часовой мастер и ринулся к корзине. Он поворошил рукой внутри, затем схватил рукой корзину, перевернул ее и стал вытряхивать содержимое.

Анна Васильевна покинула свой наблюдательный пункт в магазинчике напротив и, приблизившись к мастеру, с чувством негодования произнесла: “Что? Нашел негодные часы? Зачем же тогда они тебе? Ах ты, пройдоха!” Часовой мастер мгновенно юркнул в свою стеклянную будку и закрыл окошко.

Женщина погладила любимые часы, надела их на руку, так и не отрегулированные, и, с досадой вздохнув, пошла домой. “Буду теперь знать, какие бывают ремонты, и мастера тоже,” – утешала она себя на ходу.

ВАЛЕРЫ СКАКУН

Нарадзіўся 17 мая 1961 года ў вёсцы Асавы Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці. Скончыў Мінскі энергетычны тэхнікум ў 1981 годзе. Прпацаваў па кантрактах на Поўначы, у Якуціі, у Казахстане на Байкануры, ва Узбекістане. З 2005 года працуе ў Беларусі. Аўтар кніг “Мяне вецер шукае” (2000 год: вершы), “Набытак” (2006 год: вершы), “На виражах судьбы” (2009 год: вершы). У цяперашні час жыве ў п. Дружны Пухавіцкага раёна.

Мядзвежая згода

Гэта зараз я працую механікам тут во на рацэ Чона, што мяжуе Якуцію з Іркуцкай вобласцю, ды яшчэ на рацэ Махрэ, што прыкладна на Палярным Крузе, па гасцявых дамах. Так у нас тут называюць гэтыя месцы, дзе нашы зубры адпачываюць. Я даглядаю і адказваю за тое, каб тэхніка працавала. Усе маторныя лодкі, казанкі, япошкі, кацеры на паветраных падушках, снегаходы – усё гэта я перабіраю, рамантую, насторойваю, каб усё было на мазі. Пачынаў жа сваю працоўную дзейнасць на буравых, пасля службы ў войску, яшчэ ў савецкі час. Працаваў кампрэсаршчыкам, змену сваю адбыў, і – вольная птушка да наступнай змены. На буравой у тайзе якаясь стрэльба, вядома, заўсёды знойдзецца. Неяк па восені, адпрацаваўшы змену, вырашыў я выбрацца ў тайгу са стрэльбай папаляваць на качак ды гусей, якраз пярнатыя збіраліся ў зграі перад адлётам з нашых краёў у вырай.

Апрануўшыся адпаведна прахалодзе надвор’я, прыхапіўшы, апрача стрэльбы ды патронаў, крыху падсілкавацца харчу, папярэдзіўшы хлопцаў, у добрым настроі рушыў я ў тайгу ў спадзяванні вярнуцца са здабычай. Паблукаўшы гадзіны тры без аніякага поспеху, прабіраўся праз густа паросшы хмызняк, потым заўважыў наперадзе адкрытую паляну і вырашыў выбірацца на яе прастору. Нахінуўся нізка долу, каб, не здымая з пляча стрэльбы, прайсці пад разросшайся кронай хмызняку. Некалькі крокаў на напалову сагнутых у каленах нагах, і я на шырокай адкрытай паляне. Выпрамляюся, гляджу перад сабой, і мяне ахоплівае жах. Недзе у васьмі кроках ад мяне, павярнуўшы да мяне сваю магутную галаву, стаіць мядзведзь – гаспадар тайгі. Супраць гэтакага сустракача я са сваёй стрэльбай, зараджанай у патроны шротам на качак ды гусей, анічога не ўяўляю. Старэйшыя таварышы некалі вучылі мяне, яшчэ ў той час, калі пачынаў выбірацца на паляванні ў тайгу: ад раптоўна сустрэтага мядзведзя ні ў якім разе нельга ўцякаць, бо дагоніць у імгненне. Гэты магутны гаспадар тайгі зайца на бягу даганяе, калі той крыху спазніцца даць драпака. Адно можа ўратаваць чалавека пры сустрэчы з мядзведзем: выцягнуцца як мага вышэй і гарлапаніць на яго што ёсць моцы, імкнуцца яго перакрычаць.

Ямаю рост амаль два метры, і тут я замёр у нерухомасці, выцягваючы шыю як мага вышэй, на правым плячы трымаючы стрэльбу, левая рука мая вісела вольна каля тулава. Каб не правакаваць мядзведзя на раптоўную агрэсію ў адносінах да мяне, пачынаю гарлапаніць, што ёсць моцы. Устаўшы на заднія лапы ў васьмі кроках ад мяне, мядзведзь пачынае рычэць спачатку ціха, а потым грамчэй і грамчэй. Я напрогся ад свайго крыку так, што мне здавалася, што ў мяне перапонкі ў вушах палопаюцца. Тут я заўважаю, што мядзведзь, трымаючы перад сабой пярэднія лапы, пачынае выпускаць з іх доўгія, па сантыметраў сем-восем, свае вострыя, нібы турэцкія шаблі, капцюры. Я працягваю раўці на мядзведзя, што рэзаны, але адчуваю, як мяне да мазгоў костак ахоплівае жах. Яшчэ імгненне, і мядзведзь рушыць на мяне ўсёй сваёй магутнай істотай, і мне будзе хана.

Шанцаў перабароць гаспадара тайгі ў гэтым выпадку ў мяне няма, супроць яго я безабаронны, як і няма шанцаў, раптоўна сарваўшыся з месца, дасца наўцёкі. Мне пашанцавала: я змог-такі перакрычаць ягонае рычэнне. Мядзведзь нечакана для мяне пачаў паволі апускацца долу. Стаўшы на ўсе чатыры лапы, матляючы галавой па баках, не перастаючы рычэць, ён павярнуўся адносна мяне на сто восемдзесят градусаў, паволі пакандыбаў праз адкрытую прастору паляны і неўзабаве знік у тайзе. Мядзведзь сышоў, зрабіўшы выснову, што маё гарлапанства вышэй за ягонае рычэнне. Назад дзеля высвятлення адносінаў ён наўрад ці вернецца.

Стоячы яшчэ нейкі час выцягнуўшыся у нерухомасці, я раптам адчуў, што холад прабірае ступні маіх ног, і ўздрыгануўся. Зірнуў на свае ногі: стаю басы без абутку і анучаў. Як паспеў я іх зняць, ды яшчэ так, што побач стаяць, да гэтай пары ўявіць не магу. Калі збіраўся на паляванне, дык ступні свае, завярнутыя ў анучы, сілком засоўваў у боты. Вось што значыць, стрэсавыя ўмовы.

Пасля гэткай нечаканай сустрэчы ў мяне на той час адпала ахвота да палявання на тых качак ды гусей. Акурат, як надыходзіў вечаровы прыцемак, вярнуўся я на буравую. Псіхалагічна троху адыйшоўшы ад нечаканага выпадку, успрымаючы ўнутры сябе ўсё гэта бы нейкую недарэчнасць, крочу са стрэльбай на плячы па тэрыторыі буравой да сваёй бытоўкі. Першае, аб чым спыталіся хлопцы, бадзяючыяся туды-сюды па тэрыторыі буравой ад няма чаго рабіць, было:

– Ваня, што з табой здарылася?

Я ім у адказ:

– Ды ўсё добра, нічога не здарылася.

Хлопцы зноў пытаюць:

– Ваня, што з табой ўсё ж такі здарылася?

Я ім зноў у адказ:

– Ды нічога, усё ў парадку.

А хлопцы мне тады і кажуць:

– Ваня, зайдзі ў бытоўку, паглядзіся ў люстэрка: у цябе шавялюра ўся сядая. Можа, раскажаш, што з табой адбылося?

Як глянуў я на сябе ў люстэрка, – маці родная! – уся мая галава сядая, нібыта ў дзевяностагадовага дзеда. Было мне на той час дваццаць пяць гадоў. І сёння я такі ж сяды, як і дваццаць год таму назад, калі адбылося гэтае здарэнне з мядзведзем.

Зараз я на мядзведзя хаджу з сабакам, завёў сабе лаечку. Пачуўшы касалапага, яна пачынае яго гнаць, кружачы вакол яго. Касалапы падаецца наўцёкі ад гэтай маленькай надакучлівай істоты, а лайка следам за ім і, падабраўшы зручны момант, кусае яго за заднія лапы. Урэшці рэшт, касалапаму надакучваюць гэтыя прыколы, і ён, прысеўшы, пачынае пярэднімі лапамі махаць, бы баксёр, каб пацэліць у кружачага вакол яго з брэхам сабаку.

У гэткі момант, калі падыходзіш да мядзведзя са стрэльбай блізка, то касалапы ўжо не ўстае, толькі маша ва ўсе бакі, каб зашыбіць сабаку. Прыцэльвайся і страляй – касалапы твой. На такім паляванні бываюць выпадкі, калі сабака ў азарце кідаецца ў азарце на мядзведзя, падскоквае пад яго ўдар, і з аднаго мядзвежага маха – сабака не жылец.

***

Была гражданка, была работа,
Наша судьба теперь – пехота.
Наш быт – казарменный режим,
И грустно в окна мы глядим.
А за окном весна бушует,
Армейский быт, душа тоскует –
Зачем мы здесь, в дыре, сидим –
Здесь не Канары и не Крым.

Мы здесь, конечно же, при деле.
Домой хотим среди недели.
Не отпускает командир
В привычный нам гражданский мир.
Войдя в азарт на полигоне,
Мы грусть, тоску и скуку гоним.
Строчат исправно автоматы,
Ложатся в цель наши гранаты.

Учебный бой, нас танк прикроет,
Курсант в бою, он крепок, стоек.
Через преграды, переправы
Переберется воин бравый.
Здесь учат нас сражаться смело
И мастерством владеть умело.
Красивых слов нам здесь не надо –
Плечом к плечу стоим мы рядом.

Мы скоро будем командиры,
И лейтенантские мундиры
На нас наденут, а потом
Нас ждет родной, желанный дом.
Как будто мчится поезд скорый,
Курсантские проходят сборы.
Армейский скромный быт, уют,
В нас дома верят, дома ждут.

***

Бой часов отмеряет время,
Сердца стук продолжает жизнь.
Эй ты, вставивший ногу в стремя,
За уздечку надежней держись.
Не гони напролом и галопом.
Жизнь не шутка, страданья в борьбе,
Если хочешь, чтоб бурным потоком
Слава разом явилась к тебе.

Жизнь – не ровное поле, ухабы,
Да канавы, да лес, да болото.
Порой кажется – тропкой хотя бы
Проскакать хоть немного, да кто-то
До тебя в этом месте споткнулся,
И, оставив судьбы отпечаток,
К своему очагу не вернулся –
Здесь провел своей жизни остаток.

Мы мужаем, мы жизнь постигаем,
Узнавая в ней судьбы людские.
Где ни глянь, везде, всюду встречаем
Жизни нашей места роковые.
Расстелился туман, блекнут краски –
Вот опять от нас кто-то уходит

В жажде славы и женской той ласки,
И с надеждой, и в силе бы, вроде.

Не сдержался в седле в скачке быстрой.
Может, случай, а может, судьбина.
Может, сшиб его с ног в спину выстрел,
Ну, а может, лихая година.
И по следу за ним идет кто-то,
Но не верит судьба роковая,
И в лицо ему дует с охотой
Жизни нашей волна штормовая.

Тут уж, братцы, не надо печалей,
И не надо излишних страстей,
Ведь до нас не такое видали –
Пробирал шквал шальной до костей.
Бой часов отмеряет вновь время,
Сердца стук продлевает нам жизнь.
Эй ты, вставивший ногу в то стремя,
За уздечку надежней держись.

Словы даверу

Словы даверу завялі, як ружы.
Восень лістотай пажоўклаю кружыць.
Лета прайшло у растанні з каханнем –
Восень – іду да цебе на спатканне.

А на душы зноў, у сэрцы лянота.
Восені музыка – сумныя ноты.
Мроіцца мне той вясны чараванне –
Восень прыйшла да мяне на спатканне.

Летнія доўга са мной былі чары.
Ў восень нясу я нязбыўныя мары.

Лета прывабна натхненне дарыла,
Восень мяне да сябе прытуліла.

Звялі, бы ружы, і словы даверу –
Ў летнія чары я болей не веру.
Восень прыйшла да мяне на спатканне –
Летняе мроіцца ўсё ж чараванне.

***

Я пакіну свой дом, каб назад праз гады
Усё ж вярнуцца са здзейсненай марай.
Яна здасца мне сном, зберажэ ад бяды –
Пад уплывам яе буду чараў.
У блуканнях дарог і бясконцых трывог
Зноў мяне адратуе надзея.
Дапаможа мне Бог, ды за тое, што змог
Я сказаць, што ёсць сэнс і ідэя.
І пайду напрасткі, дзе і сцежкі няма,
І адказаў няма на пытанні
Шлях абраў я такі, што адразу зіма
Там чакае мяне на спатканне.
І бялюткі той снег, ён, нібы чарадзей,
Зноў натхняе сваёй прыгажосцю.
І бяру я разбег сярод веры, надзей,
Як жадаю любові – ды госць я.

А затым і вясна пад птушыны той спеў
Павядзе мяне хутка да лета.
І той будзе яна, што сустрэць я хацеў,
Што чакае мяне, скажа, дзе ты.
Я пакінуў свой дом, каб пазнаць назаўжды
Жар імгнення жаданай сустрэчы.
Мара здасца мне сном, зберажэ ад бяды,
Мне загінуць не дасць ад галечы.

Там, дзе сцежкі няма, дзе лютуе зіма,
Дзе адказаў няма на пытанні.
Я пайду не дарма, бо там мара сама
Зноў чакае мяне на спатканне.
Я пакіну свой дом, я вярнуўся сюды,
І мяне адратуе надзея.
Мара здасца мне сном, і імгненнем гады –
Будзе здзейснена шчыра ідэя.

***

Падалося – час прыйшоў вяртацца
З той дарогі, што вядзе кудысь.
Невядомасць зможа там застацца,
Дзе я марыў аб цябе калісь.
Не жадаю болей жыць наперад:
Пад уплывам пражытых гадоў
Я дарозе сэнс жыцця даверыў,
Ў невядомасць я па ёй ішоў.

Вые вецер, небакрай імжыцца,
Вечарэе, холад у грудзях.
Мне дзе-небудзь трэба прыпыніцца –
Я імчуся, ды на ўсіх парах.
Мне ніколі не спатоліць смагу
Той дарогай, што кудысь вядзе.
Зноў яе адчую перавагу,
І прытулку мне няма нідзе.

Падалося ўсё ж у час вяртання,
Невядомасць застанецца там,
Дзе з табой я марыў аб спатканні,
Дзе сустрэцца немагчыма нам.
А дарога ўсё вядзе кудысьці –
Ці паверу я сваім вачам?

Зноў успомню праз гады: калісьці
Пра цябе я марыў дзесьці там.

Горы клічуць

Горы ў неба ўздымаюцца снежнай вяршыняй,
Птушкай мара расправіла крылы на ўзлёт.
Сэрца лёгка віруе шчаслівай хвілінай,
Думкі клічуць наперад дарогай прыгод.
Горы клічуць абрынуцца… у невядомасць,
Дзе вятрыска, дзе пыххіх не трэба нам слоў,
У паветры пабачыць вякоў нерухомасць
І адчуць асяроддзе нязнаных умоў.

Вось маўчанне вякоў вецер змрочна сцінае,
Нават часам здаецца: ужо я тут быў.
На адлегласці камень мой позірк спыняе,
І трапляю пад вечнасці дзіўны я ўплыў.
Горы клічуць спазнаць цішыні і спакою,
У рашчэліны мара, як вецер, ляціць.
Горы снежнай вяршыняй завуць за сабою,
Бы жадаюць ад скрухі цябе бараніць.

І мужнее душа, думкі мкнуцца наперад,
Вецер топіць сумненні, і вабіць абшар.
Новы волі парыў супакойвае нервы,
А з іскрынкі надзеі ў душы ўзнік пажар.
Горы клічуць, і так немагчыма стрымацца –
Штосьці там адшукаць трэба мне ў цішыні.
Мара крылы расправіла – трэба падняцца,
Вось і птушкай каханне ляціць ў вышыні.

АЛЛА ТЕТЁРКИНА

Родилась 9 октября 1959 года в Бресте. В 1985 году окончила Белорусский институт народного хозяйства (ныне Белорусский государственный экономический университет) по специальности “экономист”. С 1987 по 2005 гг. служила в Вооруженных силах СССР, а после распада Советского Союза – в Вооруженных силах Республики Беларусь. Старший прапорщик запаса ВВС и войск ПВО. В настоящее время заведует клубом воинской части ВВС и войск ПВО. Стихами увлекается всю жизнь. В 2011 году издала поэтический сборник “Оберег”. Мать троих детей.

****

Я – лягушка, что масло взбивает,
Не считаю, что жизнь наша – зло.
Хоть и очень мне трудно бывает,
Я не брошу свое ремесло.

Я разбила пустые объятья,
Своим детям отец я и мать.
Вот надела мужское я платье
И пытаюсь мужчиною стать.

Не к лицу мне вся эта личина,
Лишь убожество есть, а не стать,
А отчаянье – ведь не причина,
Чтобы данное Богом менять.

Так хрупки мои кволые члены,
Только силы неистовый дух,
И желанье избавиться плена,
Где сама оказалась не вдруг.

Знаю, что обрету я твердыню,
И помощники мне – сыновья.
Знаю, встречу еще я мужчину,
И все вместе мы будем – семья.

***

Постарела зима, постарела…
Поседел тот белюсенький снег,
То она пред весной оробела,
Что ж, пора свой заканчивать бег,
Что ж, пора уступать свое место,
Не растратив себя до конца,
Чтоб весна, молодая невеста
Нам заполнила светом сердца.

Крокусы

Они тянутся, тянутся к свету…
Как природа весною нова!
Командиров, начальников нету.
Они сами себе голова.

Они знают, когда появиться,
Знает снег, когда стаять ему…
Чтобы листику вволю напиться,
Осчастливив и Землю саму!

***

Заневестились вишенки в ряд,
Белый китель каштаны надели,

Красоваться им меньше недели,
После – ветру отдать свой наряд.
Ветер белых одежд чистоту
Бросит в пыльные лица прохожих,
На себя чтобы стали похожи,
Чтоб свою не забыли мечту.

Покров

Стареющей листвы прощальный шёпот
Уже не слышен и за пять шагов.
Земля как будто отдает нам опыт,
Что собирала тысячи веков.

Но люди, суетою прикрываясь,
Не знали по убогости своей,
Что ветер, своим делом занимаясь,
Сорвет всё это золото с ветвей.

Тогда Земля с улыбкой помолилась,
А может, и не думала о том,
Но к вечеру, я видела, покрылась,
Таинственным из золота ковром…

Белорусские хризантемы

Зачем на снегу хризантемы –
Служанки харизменной темы?

Продлить они лето хотели –
Ан, нет: налетели метели.

И жмутся друг к другу бутоны,
Не слышны в безмолвии стоны.

Как холодно, зябко, морозно!
Зачем зацвели они поздно?

И снег написал по газону,
Что каждому роль по резону.

Но вы всё ж цветите, цветите,
Коль жить ещё очень хотите.

Пусть холода сердце боится,
Оно же стучится, стучится…

***

Свеча Святого Воскресенья
Нам освещает путь спасенья,
Спасения от злобных мыслей,
От поиска своей корысти,
От унижения слабейших
И от кликушества глупейших,
От скверны бытового мата,
От равнодушья к горю брата,
От лени, громких славословий
И от неравенства сословий,
От страха, что съедает волю,
И к свету всех ведет, к раздолью.

Синичка тенькает в окошке,
Кулич Пасхальный есть в лукошке.
Несите свет Господний людям,
Тогда по вере всем и будет…

***

Моя любовь тебе не помешает,
Тихонько под подушкой полежит,
Она в тебя войдет стаканом чая,
Согреет душу, сердце подсластит.

Моя любовь взаимности не просит,
Она с тобою рядом побредет,
Она, как будто через речку мостик,
Зажженным светом в тёмный дом войдёт.

Она в твоем камине чиркнет спичкой,
Подушкой в кресле принесет уют,
Она простою кажется привычкой –
Дарить улыбку там, где ее ждут.

Моя любовь тебя не потревожит,
Разгладит только тени на стене.
Она в постель удобную уложит,
Навеет сон прозрачный обо мне.

Моя любовь, о нет, не попрошайка,
Да и юродивой ее не назовешь.
Скажу я так: она себе хозяйка,
Ей не нужны ни выдумки, ни ложь.

***

Его продавали по сходной цене,
Он нужен едва ли тебе или мне,

Быть может, хозяев найдёт он себе,
Всё сложится ладно в собачьей судьбе.

Событий немало, что б душу щипать,
Но мысль доставала опять и опять…

Но сердце хватала щемящая боль:
Метро, переход, и шеснадцать ноль-ноль.

Лежал он на тряпке и всё понимал,
И носик свой с пола он не поднимал.

Следя за движеньем больших башмаков,
Он был не собакой, он был не таков…

Он просто стыдился, от боли устав,
Ведь там, где родился, не нужен он стал.

И мать, что кормила его молоком,
О сыне забыла: других полон дом.

И тельце дрожало от холода чувств,
Ненужность визжала без всяких искусств…

И тельце дрожало под залпом страстей,
Слезинка бежала на нос без затей…

Вот нежность телячья: возьми и держи.
Стыдливость собачья внедряется в жизнь.

И мысль утвердилась во мне навсегда,
Что люди, порою, не знают стыда…

***

Остановка разрешена,
Я такие поставлю знаки!
Останавливайся, старина,
Мы попробуем жить без драки.

Мы попробуем просто жить
И от этого быть счастливей,
Просто воду на руки лить,
Понимая, как это красиво!

Просто воздух собой вдыхать,
Каждой клеточкой упиваясь,
И внутри порой полыхать,
Забываясь порой, забываясь…

***

Я вероломна, как немцы,
Не стану войну объявлять,
Просто уйду из сердца
И поминай, как звать!

И имя не вспомнишь всуе,
Живи себе как привык,
Можешь искать другую
Памяти – целый гиг.

Никто не знает, как лучше,
Кого на кого променял…
А «дежа вю» – замучит,
И это уже про меня.

***

Что стоит улыбка ребёнка?
Твои бессонные ночи,
Твои усталые руки,
И прочее, прочее, прочее…
Что стоит улыбка ребёнка?

Твои отекшие очи,
И ворох огромный пелёнок,
И прочее, прочее, прочее…
Что стоит улыбка ребёнка?
И платье твоё не очень,
И кофточка, может, с заплаткой,
И прочее, прочее, прочее…
Что стоит улыбка ребёнка?
С заботами ладить нет мочи,
И помощи ждать неоткуда,
И прочее, прочее, прочее…
И станет вдруг невыносимо,
И жизнь в тебе угасает,
И дальше идти нет силы –
Улыбка ребёнка спасает…

***

Поэму пишу давно
С названьем простым:
“Три сына”.
Сбывается, что суждено,
И это дает мне силы.

Быть мамой полётно легко,
Нет муки и нет мороки.
Спасибо тебе, Господь,
Что дал написать
эти строки!

ИРИНА ШАМКО

Родилась 12 января 1977 года в г. Березино Минской области. Окончила Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка в 1999 году. Среди любимых авторов – Марина Цветаева, Артюр Рембо, Владимир Высоцкий, Владимир Набоков, Иосиф Бродский. Стихи Ирина пишет с юности. Живёт в настоящее время в Минске.

***

Дайте время для тишины.
Мне бы, право, подумать просто.
На мгновенье, в период роста
Дайте время для тишины.

На полшага отстать от всех,
Отвернуться в тоске прилюдно…
Не озвучить – как это трудно! –
Эту просьбу: отстать от всех.

Тихо в поле сойти в цвету
И жужжанием пчел небесных
Насладиться, их делом крестным.
Мне бы лишь постоять в цвету.

И на время, совсем без слов,
Затаиться в траве и спорах
И безлюдья глотать просторы,
Просто воздух вдыхать – без слов.

Лишь мгновенье – для тишины:
Я в словесной войне теряю
Звук сердечный… Я наверстаю.
Дайте время для тишины…

***

Бьёт из меня стихами – бредово-словесный запой.
Я нравлюсь себе,
я нравлюсь,
я нравлюсь себе такой!

Не вижу звонков и чисел и путаю сладость с виной –
Не вымысел это,
не вымысел,
а промысел это со мной!

Предвидя своё истощенье, дрожа, возвращаюсь домой…
Кто примет меня,
ну, кто примет,
кто примет меня такой?

***

Утеряна лиловая тетрадка.
Единственная.
Навсегда.
Где были заблужденья, по порядку,
Где я была.

Как будто потеряла человека.
Единственного.
Навсегда.
Который создан был из тех молекул,
Что я была.

Принять на веру я теперь готова.
Единственную.
Навсегда.

И я свои стихи рожаю снова.
Как и тогда.

***

Разметок пульсируют плети,
И трупы надежд у дорог.
Не каждый решиться на третьей
Вписаться в чужой поворот.

Замшелые толпы обочин
Следят, утопая в росе,
За тем, кто несется средь ночи
По встречной чужой полосе.

Не надо мне звездочку с неба,
Не надо подарочных книг,
Лишь хлеба, дорожного хлеба –
Той пищи, к которой привык.

Мне нравится жизнь кочевая –
Я будто бы старый монгол.
Давай, моя тропка кривая,
Расправь свой помятый подол!

***

Ночью, ночью, тихой ночью
Я могу побыть с тобой.
Обескровлен, обесточен
И без почвы город мой.

Смирно спит людское племя,
Спят фонарь и светофор,

И моленья, и сомненья,
И земных забот узор.

Снег кружит, и где-то близко,
За двустворчатым окном
Слов душа летает низко
И стучится в темный дом.

Я спокойна: ночью, ночью
Тихо в городе зимой.
Обескровлен, обесточен
И без почвы мой покой.

***

Я – донор,
я иду сдавать свою кровь,
и мне интересно даже,
что из этого выйдет:
найдут ли, поймут ли, выделят,
кто и когда увидит,
как из множества строчных параметров,
тонущих и потопляющих,
вдруг проявятся
они:
блуждающие,
роковые,
в стекло пробирочное
кричащие,
бестолковые,
неузнанные доныне,
но случающиеся,
маркеры любви.

Первый сонет

Из детства помню этот праздник светлый –
Не День рожденья и не Новый год,
А день, весенней радостью согретый,
Где кровь и солнце водят хоровод.

В то утро в робость, как в халат одета,
У двери ванной выждав свой черед,
Умывшись смесью из воды и света,
Я верила в защиту от невзгод.

День Пасхи мне тогда казался странным,
Он разделял мой детский год, как брод,
Тот день, он был загадочным, желанным,

Тот дивный день – простое воскресенье,
Что нарушал спокойной жизни ход,
И возвращал нам Солнце – во спасенье.

***

Даль надо мной голубого безумия,
Ниточки облачных бус.
Полдень июльский озвучит раздумия,
То, что сказать не берусь.

Полдень июльский озвучит наречие
Ясной, дневной синевы
Стрекотом птичьим и стаей кузнечиков,
Шепотом дикой травы.

Стрекотом птичьим и стаей кузнечиков
Небо со мной говорит.
Вот я в шатре из травы, не замечена,
Слушаю летний иврит.

Вот я в шатре из травы, не замечена,
Яркий приветствуя свет,
Солнцу, как взгляду случайного встречного,
Взгляд открываю в ответ.

Солнцу, как взгляду случайного встречного,
Сверх травянистых вершин,
Я доверяю, и пусть опрометчиво,
Говор смущенной души.

Я доверяю, и пусть опрометчиво,
Всё, что сбывалось со мной,
Среди цветенья и гама межречного,
Звуки сменив тишиной.

Среди цветенья и гама межречного
Буквы плутают в траве,
Корни растений питают наречием
Тело и шум в голове.

Корни растений питают наречием
Жизнь на любом языке:
Все мало-мальски слова человечии
Лягут тихонько в песке.

Все мало-мальски слова человечии,
Темных молчаний поля –
Всё покрывает своим красноречием
Чуткая эта земля…

Даль. Небеса. Голубое безумие.
Ниточки облачных бус.
Я не боюсь – я купаюсь в раздумии.
Я ничего не боюсь.

***

Мои стихи не встанут в шкаф красиво,
Не лягут под златые корешки.
Они наглядно и красноречиво
У знатоков лишь вызовут смешки.

Мои стихи не тишь исповедален,
Не дрожь и не румянец от грехов,
Не жаркие объятья вечных спален,
Не соло жадно выверенных слов.

Они лишь зарифмованные стуки,
Пропущенные сердцем, невпопад.
Нестройные сомнительные слухи,
Они чужой неосторожный взгляд,

Последствия типичного недуга,
Аварией попорченная ось,
Нашептыванье бабье, от испуга,
Чтоб сердце как-нибудь не взорвалось.

Изъяны и ошибки всех размеров,
Как битое осколками стекло,
Бесчисленное множество примеров,
Как быть могло, но не произошло.

Они – мое чудное исцеленье
От немоты, от спазмов горловых,
И пенье дивное, и злобное сипенье…
Мне повезло: писать могу я их.

Не вы, а я сама, как к водопою,
Тропой звериной – вздрогнуть и глотнуть! –
Не женской рифмой, сбивчивой стопою
Приду к моим стихам когда-нибудь.

***

Мне не уснуть: я знаю этот звук –
Душевных струн безумные аккорды.
Уймись, молчи, верни добро в сундук!
Побег немыслим, оправданья твёрды.

Мы для земли, я знаю это, пусть.
Мой белый трафарет парит над телом.
Слова забыты, и забыта грусть,
Но что поставят звукам здесь пределом?

Мне не уснуть. Не всё ли мне равно!
Была ли власть над легкою душою?
Давай, лети! Распахнуто окно…
Земля всё меньше, меньше подо мною.

***

Подайте улице – моих шагов ей мало.
Земля заплевана (скорей бы дождь прошел).
“Все люди разные,” – вы говорили вяло,
Я что ответила?.. “Так это хорошо!”

Подайте комнате. Вы, с трубкой за дверями,
Так мило треплетесь, я – ковыряю шов.
Мы заменяемы, Вы знаете и сами:
Все – разности (как, право, хорошо).

Сниму косметику – красоты уравняли.
В библиотеке старой тлеет корешок.
Жизнь неизменна (не из-за меня ли?).
Сойдемся… Что ж, и это хорошо.

ЗМЕСТ